

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики

А. П. ЗОНТАГ И ЕЕ ЛИТЕРАТУРНЫЙ НАСТАВНИК В. А. ЖУКОВСКИЙ:
ПРОГРАММЫ И ВОПЛОЩЕНИЯ

Бакалаврская работа
студентки отделения славистики
Анастасии Бобылевой

Научный руководитель
Т. Н. Степанищева, Ph.D.

Тарту 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. «ПИСАТЕЛЬНИЦА ДЛЯ ДЕТЕЙ»: ФОРМИРОВАНИЕ АМПЛУА И СОВРЕМЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ	6
Глава II. А. П. ЗОНТАГ – «БИОГРАФ НАШЕГО СЕМЕЙСТВА»	22
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	34
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	36
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	40
Таблица 1. Отзывы на книги А. П. Зонтаг. 1825–1869 гг.....	41
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	129
Таблица 2. Роспись сборников А. П. Зонтаг (или приписываемых ей).....	130
Таблица 3 (сводная). Сборники, произведения в альманахах и отдельные произведения.	136
Kokkuvõte.....	151
Autorsuse kinnitus.....	152
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks.....	153

ВВЕДЕНИЕ

Анна Петровна Зонтаг известна в истории русской литературы в первую очередь как переводчица, «детская писательница», родственница В. А. Жуковского и автор воспоминаний о его детстве. Творчество Зонтаг исследовано фрагментарно и довольно поверхностно, научных трудов о нем немного, большая их часть имеет очерковый характер: таковы, например, работы Н. А. Бекетовой и М. Ш. Файнштейна [Бекетова; Файнштейн]. В них исследователи в общих чертах описывают биографию Зонтаг, перечисляют ее произведения и изредка останавливаются на истории создания некоторых из них. Имя Зонтаг встречается и в немногочисленных монографиях об истории русской детской литературы. Современные исследователи (например, Б. Хеллман в работе «Сказка и быль. История русской детской литературы» [Хеллман] и М. С. Костюхина в книге «Золотое зеркало. Русская литература для детей XVIII–XIX веков» [Костюхина]) включают Зонтаг в один перечень с другими «женщинами-писательницами для детей» (А. О. Ишимова, Л. А. Ярцова) и, как правило, ограничиваются пересказом сведений из статьи О. Б. Лебедевой для биографического словаря «Русские писатели» [Лебедева]. В вышедшей в 1948 году монографии А. П. Бабушкиной об истории русской детской литературы [Бабушкина] о Зонтаг упоминается вскользь. Описывая состояние детской литературы в первой половине XIX века, Бабушкина, кроме прочего, сообщает:

Многие работу в детской литературе избирают своей специальностью: Зонтаг, Ишимова, С. Глинка, В. Фёдоров¹, Бурнашёв. Правда, среди последних немало ремесленников и бездарных «писачек», как назвал их Белинский [Бабушкина: 129].

Единственную попытку основательно проанализировать художественное наследие писательницы предприняла О. В. Кирьянова в кандидатской диссертации «А. П. Зонтаг (Юшкова) – личность и литературная деятельность: феномен писательницы для детей» [Кирьянова], однако она сосредоточилась на «художественно-эстетической специфике» творчества Зонтаг и не рассматривала влияние на него В. А. Жуковского.

¹ Здесь, вероятно, имеется в виду Борис Михайлович Федоров (1798–1875) – поэт, драматург, прозаик, автор сочинений для детей и издатель.

Иногда Зонтаг упоминается и в работах о творчестве В. А. Жуковского. Яркой иллюстрацией того, как исследователи Жуковского пишут о ней, можно назвать комментарий к воспоминаниям Зонтаг в сборнике «В. А. Жуковский в воспоминаниях современников», где ее мемуары охарактеризованы как «наиболее ценная часть ее литературного наследия» [Лебедева, Янушкевич: 563]. Также с пересказа воспоминаний Зонтаг начинаются работы К. К. Зейдлица [Зейдлиц] и В. И. Резанова [Резанов 1906] – последний предпринял и первую попытку их критического осмысления². Оба исследователя приводят очень короткие справки об авторе воспоминаний: «внучка <...> Афанасия Петровича Бунина, Анна Петровна Зонтаг, составившая себе и до сих пор всем памятное литературное наследие» [Зейдлиц: 4] и «известная писательница для детей Анна Петровна Зонтаг» [Резанов 1906: 1].

Отметим, что в ставшем классическим исследовании А. Н. Веселовского [Веселовский] также говорится о детстве Жуковского, но автор начал повествование с более позднего периода, поэтому к воспоминаниям Зонтаг не обращался. В монографии А. С. Янушкевича «Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского» [Янушкевич] о Зонтаг также не упоминается.

Возвращаясь к немногочисленным работам о самой Зонтаг, нужно заметить, что о роли Жуковского в ее судьбе писали почти все названные исследователи. Литературоведы, опираясь на ряд цитат из переписки Зонтаг и Жуковского, подытоживают, что последний был «духовным» или «литературным» наставником Зонтаг (см., напр.: [Лебедева: 352; Файнштейн: 27]), а также «всегда был для нее кумиром и непререкаемым авторитетом» [Костюхина: 46]. Дальнейшего развития эта мысль, как правило, не находит.

Из переписки В. А. Жуковского и А. П. Зонтаг следует, что письма Жуковского не просто имеют «дидактический характер», а заключают в себе описания разных писательских амплуа, которые он предлагал своей корреспондентке на протяжении почти всей жизни — от «переводчицы» до «мемуаристки». Однако Зонтаг не всегда прислушивалась к советам Жуковского (например, его рекомендация приняться за

² Прежде на необходимость критического осмысления воспоминаний указывали, например, К. К. Зейдлиц и Н. С. Тихонравов (см. об этом: [Зейдлиц: 4], [Тихонравов: 388]).

роман осталась нереализованной). В нашей работе мы проследим, как «программа писательства», придуманная В. А. Жуковским для А. П. Зонтаг, выполнялась (или не выполнялась) на практике и, таким образом, попытаемся установить, какое влияние он оказывал на творческий путь Зонтаг.

В первой главе настоящей работы мы обратимся к тем амплуа, которые Жуковский предлагал Зонтаг в начале ее литературной работы — «переводчица», «детская писательница». Особое внимание будет уделено сюжету, связанному с рецепцией произведений Зонтаг – как литературные сочинения, написанные в соответствии с рекомендациями Жуковского, были восприняты современниками. Во второй главе мы подробно остановимся на амплуа «мемуаристки», предложенном Жуковским писательнице в 1850-е годы: мы проследим, как создание «Воспоминаний о детстве В. А. Жуковского» соотносилось с проектом «биографии семейства Буниных», над которым Жуковский работал вместе с Зонтаг.

Поскольку сочинения А. П. Зонтаг еще не собраны и не описаны в соответствии с научными стандартами, мы составили три хронологические таблицы, упрощающие работу с исследуемым материалом (таблицы помещены в Приложении). Первая содержит полные тексты небольших критических заметок о книгах и других публикациях Зонтаг, относящихся к периоду с 1825-го по 1869-й годы, а вторая и третья представляют собой роспись известных на сегодняшний день произведений А. П. Зонтаг.

Глава I.

«ПИСАТЕЛЬНИЦА ДЛЯ ДЕТЕЙ»:

ФОРМИРОВАНИЕ АМПЛУА И СОВРЕМЕННАЯ РЕЦЕПЦИЯ

Исследователи, обращавшиеся к творчеству А. П. Зонтаг, не раз отмечали, что В. А. Жуковский играл в ее судьбе важную роль. К этому выводу литературоведы приходят, основываясь на биографических фактах (совместно проведенное детство и «долбинский период» жизни Жуковского) и на материале переписки. Так, например, М. Ш. Файнштейн в очерке о Зонтаг из книги «Писательницы пушкинской поры» замечает, что, несмотря на регулярные (но несерьезные) занятия переводами в детстве, «по-настоящему она занялась литературным трудом после 1815 г.» [Файнштейн: 27], – т.е. после того, как Жуковский покинул Долбино, в котором некоторое время жил вместе с Зонтаг и А. П. Елагиной. Файнштейн подытоживает: «Поэт, чьими стихами восторгалась вся Россия, становится *литературным наставником Анны* <Курсив везде, кроме снабженных дополнительной оговоркой мест, наш. – А. Б.>» [Там же].

О «литературном» и «духовном» наставничестве Жуковского говорится почти во всех известных нам исследованиях о Зонтаг. Помимо Файнштейна то же самое пишут и современные исследователи. Бен Хеллман в монографии «Сказка и быль. История русской детской литературы» называет Жуковского «*учителем* и советчиком» [Хеллман: 68], М. С. Костюхина в книге «Золотое зеркало. Русская литература для детей XVIII–XIX веков» говорит о Жуковском как о «кумире и непререкаемом авторитете» [Костюхина: 46]. Однако наиболее ярким примером является статья О. Б. Лебедевой о А. П. Зонтаг в биографическом словаре «Русские писатели», где оба определения приведены сразу:

Участник и вдохновитель совместных лит. игр, дом. спектаклей, чтений и обсуждений, Жуковский вскоре становится *литературным* и *духовным наставником Зонтаг* [Лебедева: 352].

Как правило, исследователи подкрепляют свои заключения цитатами из переписки, но в анализ эпистолярного материала не углубляются. Попыток описать явление «литературного наставничества» также прежде не предпринималось.

По нашим наблюдениям, уже при первом чтении переписки можно выделить ряд писем, складывающихся в своеобразную «программу писательства В. А. Жуковского для А. П. Зонтаг». Под ней мы понимаем набор писательских амплуа, которые Жуковский последовательно предлагал Зонтаг в период с 1805-го по 1852-й годы³. Она следовала большинству рекомендаций, однако к некоторым из них, как будет видно далее, не прислушивалась. В настоящей главе мы подробно остановимся на одном из основных писательских амплуа Зонтаг: попытаемся описать его и уяснить, как его формирование соотносится с «программой писательства» Жуковского для нее. Обратившись к критическим заметкам о произведениях Зонтаг, написанных по рекомендации Жуковского, мы проследим, к каким результатам вело следование его «программе».

Поскольку переписка В. А. Жуковского и А. П. Зонтаг не только редко становилась предметом литературоведческого исследования, но и до сих пор не опубликована полностью, считаем целесообразным кратко охарактеризовать ее.

Эта переписка охватывает более 45 лет, с 1806 по 1852 г. В 1817 г. Анна Юшкова вышла замуж за Е. В. Зонтага (русского поданного, капитан-лейтенанта Черноморского флота) и переехала вместе с ним в Николаев (а затем, в 1824 г., в Одессу), поэтому поддерживать связь с Жуковским она могла уже только по переписке. В письмах обсуждались самые разные темы (быт, последние новости из личной и общественной жизни), однако одной из центральных оставалась литература. Корреспонденты обменивались мыслями и отзывами о произведениях и обсуждали литературный процесс, участниками которого они оба являлись.

На сегодняшний день переписка Жуковского и Зонтаг опубликована не полностью. Наибольшее число писем представлено в Уткинском сборнике (30 писем Жуковского к Зонтаг, первое письмо датировано концом 1816 г., последнее – апрелем–маем 1851 г.) [Уткинский сборник], еще шесть писем за 1806 г. опубликованы в пятом выпуске «Русского архива» за 1902 г. [К биографии Жуковского] и еще четыре за 1840 г. — в десятом номере «Русской старины» за 1909 г. [Из переписки]. Письма из «Русского архива» и «Русской старины» в

³ Поскольку переписка В. А. Жуковского и А. П. Зонтаг сохранилась не полностью, даны приблизительные временные границы.

Уткинский сборник не вошли. Еще 29 писем были опубликованы К. Я. Гротом в «Правительственном Вестнике» в составе двухчастной статьи «В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг»: 16 писем в хронологическом порядке (от 10 июня 1810 г. до 10 июня 1828 г.) в первой части и еще 13 — во второй [Грот]. Поскольку первая часть статьи печаталась почти одновременно с выходом Уткинского сборника, она дублирует некоторые письма из него. В 1912 г. И. А. Бычков опубликовал в «Русском библиофиле» еще три письма Жуковского к Зонтаг, от 13 июня 1834 г., 11 апреля 1845 г. и 5 мая 1847 г. [Бычков] — эта публикация встроилась в «огромный пробел от 1843 г. по кон. 1848 г.», на который в 1904 г. указывал К. Я. Грот [Грот: 3].

Как было сказано выше, многие письма Жуковского носят программный характер: он часто отправляет корреспондентке готовые планы работы над его проектами. Это особенно хорошо прослеживается в начале их совместной литературной работы. В качестве примера приведем письмо, датированное осенью 1816 г.:

À propos! Я давно придумал для вас всех работу, которая может быть для меня, со временем, полезна. Не можете ли вы собирать для меня русские сказки и русские предания? <...> Я желал бы, чтобы вы – Анета и Дуняша, завели каждая по две белых книги, в одну записывали сказки (и сколько можно теми словами, какими они будут рассказаны), а в другую всякую всячину, суеверия, предания и тому подобное <...>. Писать не нужно со старанием, записывать просто содержание. Все это привести в порядок, мое дело! [Грот: 4].

Жуковский призывает своих племянниц, А. П. Зонтаг и А. П. Елагину, присоединиться к работе над сбором и обработкой фольклора. По его замыслу, они должны были собрать народные сказки и подготовить их к последующей литературной обработке (ее Жуковский брал на себя). Обратим внимание на две особенности этого письма. Во-первых, задача в нем сформулирована довольно конкретно – вплоть до уточнения, как надлежит распределить материал (в две разные тетради и т.п.). Во-вторых, предложение заняться сбором фольклора возникает в письме спонтанно (сразу после разговора о матримониальных планах Зонтаг), без единого повода со стороны корреспондентки Жуковского. Эта внезапность предложений, как мы увидим ниже, станет главным отличием ранних «программных» писем Жуковского от поздних.

Такой сценарий совместной литературной работы был характерен на ее ранних этапах. Он продолжал собой традицию литературных упражнений (Жуковский

«задавал задачу», а Елагина и Зонтаг ее решали), результатом которых стал независимый литературный дебют Зонтаг. В 1825 г. она самостоятельно, без ведома Жуковского, дебютировала в печати с переводом «Эдинбургской темницы» В. Скотта. Жуковский узнал об этом лишь два года спустя, в 1827 году, когда вернулся из Германии и встретился с Е. В. Зонтагом в Петербурге. В октябре 1827 г., почти сразу после получения известия о дебюте А. П. Зонтаг, Жуковский написал ей еще одно «программное» письмо:

Милая сестра! Я возвратился на родину и первое явление перед глазами моими был Зонтаг! <...> Он мне сказывал про вас нечто, что меня весьма порадовало: вы пишете. Это прекрасно. Я знаю ваш слог. Не много из наших авторов могут похвалиться таким верным и приятным слогом. Вы перевели с английского Эдинбургскую темницу: я еще не читывал ее, но уверен, что перевод хорош [Уткинский сборник: 101].

Как следует из цитаты, Жуковский не был ознакомлен с переводом, однако заверял корреспондентку, что перевод получился удачным. На это у него были основания. Судя по сохранившимся письмам, датированным 1800-ми гг., в юности Зонтаг много практиковалась в литературном переводе, а ее наставником в этом был Жуковский. Она посылала ему свои первые работы на проверку и одобрение, поэтому к 1827 г. Жуковский действительно «знал ее слог» и имел достаточное представление о ее переводческих способностях⁴. Узнав, что Зонтаг независимо дебютировала в печати, Жуковский принялся направлять ее на пути авторского становления. Письмо продолжается наставлением, в котором он определяет наиболее подходящую Зонтаг стезю:

Примитесь за авторство с особенной целью, то есть пишите сами и переводите то, что написано лучшего о воспитании и для детей. Не может быть достойнейшего занятия для матери. Например, я бы желал, чтобы вы, делая замечания над вашей дочерью и занимаясь ее воспитанием, собрали наконец свои отдельные мысли, привели их в некоторый порядок и наконец выдали [Уткинский сборник: 101].

⁴ Так, например, в письме к нему от 5 января 1805 года (прибл.), Зонтаг сообщала: «Посылаю вам две главы моего перевода, что-то вы о нем скажете; боюсь, что не понравится...» [К биографии Жуковского: 130]. Намеки на это обнаруживаются и в других письмах 1800–1810-х годов.

Как будет показано ниже, много позже, в 1852 году, сценарий с таким «подхватыванием инициативы» повторится, когда Зонтаг будет готовить публикацию о детстве Жуковского для «Москвитянина».

Наиболее подходящей для Зонтаг сферой Жуковскому видится литература о детях («то, что написано лучшего о воспитании») и для детей, т.е. то, что было Зонтаг, по его мнению, наиболее близко (в 1824 г. у Зонтаг родилась дочь). Заметим, как сильно Жуковский «переориентирует» только что дебютировавшую с переводом «Эдинбургской темницы» Зонтаг. Как известно, аудитория Вальтера Скотта имела довольно широкий возрастной диапазон, но в начале XIX века его романы считались преимущественно молодежным чтением. Как отмечал А. А. Долинин, романы Вальтера Скотта считались подходящим чтением для детей, поскольку имели «одну, присущую только им особенность, на которую обратили внимание современники, и которой так гордился сам Автор “Уэверли”» [Долинин: 150] – были «безупречно нравственными». По наблюдениям исследователя, «Эдинбургская темница», где «героиню соблазняет возлюбленный, и она рождает ребенка вне брака» [Долинин: 150], была единственным романом В. Скотта, выбивающимся из ряда высокоморальных.

Как позже писала сама Зонтаг, «направление было дано!» [Зонтаг 1849: 9]. Предложив его Зонтаг, Жуковский просил ее не оказываться от переводов. Он подчеркивал, что эта работа перспективна и востребована, поскольку в области чтения для детей нет ничего достойнее «Детской библиотеки» А. С. Шишкова:

Соберите *опыты матери* <курив Жуковского. – А. Б.>, сперва для себя, потом, если найдем это, могут они пригодиться для других. Между тем переводите. У нас, кроме Детского чтения, нет ничего порядочного. Детское чтение уже устарело [Уткинский сборник: 101].

От обрисовки литературной ситуации Жуковский переходит к «рекомендованному плану действий». В отличие от письма 1816 г., большая часть советов здесь довольно абстрактна, они касаются того, «как нужно писать» – это в первую очередь обусловлено спецификой темы. Примечательно, что абстрактное рассуждение о языке завершается сменой кода и заключением, что автору, пишущему для детей, строго говоря, надлежит владеть «языком сердца» (“une langue de cœur “):

Слог для детей не так легок, как думают: обыкновенно наши писатели педагоги, думая быть понятными, ребячутся самым неловким образом. Это противно вкусу и есть порча языка. Слог для детей должен быть прост, ясен, надобно найти середину между сухостью и болтовней. Говоря с ребенком, надобно не все ему сказывать и объяснять, иначе ум его делается ленивым. <...> il faut ne pas oublier, qu'ils peuvent vous entendre si vous adressez à leur cœur et si vous possédez vous même la langue de cœur⁵ [Уткинский сборник: 101].

Жуковский создал рамку, однако внутри нее позволял своей корреспондентке двигаться свободно и самостоятельно:

Но мне вас учить нечего. Я собрал для вас несколько книг для детей на французском, особенно на немецком. Сделайте выбор сами. Переводите не рабски, но как будто сами рассказывая чужое своей дочери <...>. Принимайтесь за работу, милая! а я буду вашим издателем здесь в Петербурге [Уткинский сборник: 101–102].

Репертуар рекомендуемых для перевода произведений состоял в основном из сочинений немецких детских писателей: Христофора Шмидта (1786–1854), Эрнста Кристофора Хоувальда (Houwald) и т.п. Жуковский также советовал Зонтаг продолжать переводить сказки английской писательницы Марии Эджворт (напомним, что с 1808 по 1810 гг. Жуковский перевел и напечатал в «Вестнике Европы» три повести Эджворт: «Прусская ваза», «Лиммерикские перчатки» и «Мурад несчастный»). Зонтаг была вольна выбирать, что переводить и как это делать. Жуковский настоятельно рекомендовал ей переводить не буквально и дословно, а пересказывая текст по-своему.

Из сказанного следует, что в 1827 г. Жуковский «разглядел» в Зонтаг потенциал к превращению из способной переводчицы в самостоятельного автора, в «писательницу для детей». Так, становится возможным говорить как о создании одного из основных писательских амплуа Зонтаг, так и об эволюции литературных отношений Зонтаг и Жуковского. Такой тип отношений скорее напоминает «литературное партнерство», чем «наставничество».

⁵ «Не следует забывать, что они <дети. – А. Б.> слышат вас, если вы обращаетесь к их сердцам, и, если вы владеете языком сердца» <перевод наш. – А. Б.>.

С 1827 года почти все письма Жуковского к Зонтаг включают в себя обсуждение ее литературных дел (новые рекомендации и пожелания Жуковского, уведомления об издательских перипетиях и т.п.).

Из данных составленной нами таблицы произведений Зонтаг (см. прил. 2, табл. 3) следует, что с 1828 по 1830 гг. Зонтаг выпустила три части «Повестей и сказок для детей». Публикация и последующие переиздания этих сборников позволяют говорить о том, что Зонтаг прислушивалась к наставлениям Жуковского. Исследователи, так или иначе комментировавшие сборники ее повестей (в том числе – «Повести и сказки для детей»), отмечали, что детские сочинения Зонтаг вполне благонравны и дидактичны. М. Ш. Файнштейн (местами очень пристрастный в своих суждениях) замечал, что

Разнообразие часто сентиментальных сюжетов содержало четко выраженную идею-“мораль” – читающему или слушающему ребенку внушалась мысль о постоянной необходимости хороших поступков и вообще примерного поведения. Послушание и добрые поступки всегда вознаграждаются судьбой, а проступки, плохое поведение наказываются [Файнштейн: 32].

Бен Хеллман в монографии «Сказка и быль. История русской детской литературы» представил повести Зонтаг в целом так:

Маленьким детям она <Зонтаг. – А. Б.> рассказывала о семилетних девочках, которые только-только знакомятся с миром. Нравственные дилеммы, с которыми они сталкиваются, учат их проявлять щедрость и не требовать похвал [Хеллман: 68],

– однако ни это, ни предшествующие описания не позволяют сказать, в какой степени многочисленные (переводные и оригинальные) произведения Зонтаг соответствуют приведенным нами выше наставлениям Жуковского. Среди множества переводных повестей в сборнике была и одна оригинальная – «Олинька и бабушка ее Назарьевна». Повесть посвящалась Кате Мойер – дочери М. А. Мойер, ее действие разворачивалось в Белеве и его окрестностях, а в героях легко угадываются прототипы: сестры Протасовы и проч.

Современники оценили повесть очень высоко. Почти сразу после публикации, 8 декабря 1832 г., П. А. Плетнев писал Жуковскому:

Вам хотелось знать, что-нибудь о литературных друзьях наших. В настоящее время первое место между литераторами, по моему мнению, занимает Анна Петровна Зонтаг. Она издала новое собрание Повестей и сказок для детей. Между ними есть одна, которой совершенством я был поражен. Читая ее в корректуре я заливался слезами: так она сильно на меня подействовала. Может быть, много тут действовали и воспоминания <...>; но для меня это все так ясно и при том так естественно, что я каждый раз перечитывал эту повесть с новым наслаждением [Плетнев: III, 520–521].

Слова Плетнева позволяют заключить, что «Олинька и бабушка ее Назарьевна» была написана в соответствии с наставлениями Жуковского писать, используя “une langue de sœur”. Видимо, Зонтаг очень точно поняла эту довольно абстрактно сформулированную рекомендацию. Получив письмо Плетнева, Жуковский вновь обратился к Зонтаг. В письме от 29 января 1833 г. он поддерживал ее в следовании обозначенному прежде направлению:

Плетнев уведомляет меня, что еще прислали вы том своих повестей, между коими, как он пишет, есть одна, которая много слез выманила из глаз его, одна, в которой все наше прошлое ожило под пером вашим. Я просил его, чтобы он велел, как можно мельче переписать для меня ту повесть и прислать в первом письме: хочу у подошвы швейцарских гор посидеть на том низком холмике, на коем стоял наш Мишенский дом с своею примитивной церковью, на коем началась моя поэзия Греевой элегией. А вам, милая Анета, скажу одно: пишите как можно более. У вас много в душе богатства, в уме ясности и опытности; вы имеете решительный дар писать и овладели русским языком [Уткинский сборник: 109].

Особенно примечательна для нас последняя фраза цитаты: она подтверждает, что «Олинька и бабушка ее Назарьевна» в представлении Жуковского действительно была написана в соответствии с его наставлениями, т.е. «языком сердца». Продолжая письмо, Жуковский настаивает на том, что Зонтаг необходимо стать самостоятельным автором:

Я хочу для вас не авторской славы; у нас она ничтожна; хочу для вас сладости авторской жизни, а для читателей ваших истинной пользы <...>. Передайте свою тайну другим матерям: поле, которое можете обработать, неограниченно и неистощимо. Для распространения и приведения в порядок мыслей своих загляните в лучшие книги (но весьма немногие) воспитания и нравственной философии, *а потом бросьте их и пишите свое*. Вы не обманетесь и не обманете других, ибо напишете свое, взятое из существенной жизни и только обдуманное простым умом, не отуманенным предрассудками и

умствованием. Этот совет посылаю вам вместо подарка в день рождения [Уткинский сборник: 109].

Заметив определенные «тенденции» в «Олинке и бабушке ее Назарьевне», Жуковский включает их в свою программу и подталкивает Зонтаг продолжать двигаться в том же направлении.

Однако во второй половине 1830-х годов происходит первое «отклонение» Зонтаг от программы Жуковского: вместо того, чтобы продолжать писать художественную прозу для детей, Зонтаг принимается за переложение Евангелия. Этот сюжет требует отдельного рассмотрения, поэтому в рамках нашего исследования мы не будем к нему обращаться. Лишь упомянем, что издание «Священной истории для детей, выбранной из Ветхого и Нового Завета» было сопряжено с цензурными мытарствами. Издать книгу удалось лишь благодаря вмешательству Жуковского, который в 1836 году поднес ее императрице. После разрешения проблем с цензурой, Жуковский попытался «вернуть» Зонтаг на прежний путь. В 1836 г. он предложил ей сразу два сценария дальнейшей работы: создание романа и создание воспоминаний. Здесь мы коротко остановимся на рекомендации заняться романом – «мемуарному» сюжету будет посвящена вторая глава. Итак, в письме, датированном апрелем 1836 г. Жуковский сообщал:

Милая Анна Петровна, при этом письме получите вы письмо от Шамбо и подарок от Императрицы за поднесение ей Вашей Библии. Я очень рад, что она так благосклонно приняла труд ваш. <...> А вы между тем принимайтесь за роман. Я уверен, что вы можете написать прекрасный [Уткинский сборник: 111].

Вслед за очередным наставлением вернуться к созданию художественной литературы для детей Жуковский, в стиле своих прочих «программных» писем, дает рекомендации:

Описывайте тот свет, который знаете теперь, то есть ваш одесский, сцена может быть живописная, разнообразная. И в помощь вам Крым с своими древними воспоминаниями и с своею величественною природою. Можете взять и наш бывший мир, нашу сторону и наши воспоминания: и у нас довольно было лиц, которых верный список будет привлекательным. Напишите что-нибудь простое, привлекательное истиной происшествий и локальной верностью. <...> Чтобы нравственность была в применении; но чтобы в самом романе было только живое, верное изображение человека и общества. Можно написать не один роман, а

несколько, взяв, например, за предмет изобразить судьбу женщины в ее разные фазисы [Уткинский сборник: 111].

Отметим, что эти наставления весьма точно соответствуют тому, как была написана повесть «Олинька и бабушка ее Назарьевна». Жуковский предлагает и локус, в который гипотетически можно поместить действие романа, и возможный сюжет. Так же, как в «Олиньке...», приветствуется использование известного Зонтаг материала («одесский свет» или общее с Жуковским прошлое) как «географического», так социального. Особенно интересно предложение «изобразить судьбу женщины в ее разные фазисы». Логично предположить, что, предлагая такую тему, Жуковский исходит из своей концепции создания сочинений, которые были бы зеркалом «души и поступков»⁶. Написать искренне было возможно только о хорошо знакомой теме, в случае Зонтаг – о мире женщины. Однако столь же очевидно, что, предлагая Зонтаг писать о судьбе женщины, Жуковский должен был ориентироваться на какие-то литературные образцы. Нам кажется перспективной дальнейшая разработка этого направления, но пока ограничимся указанием, что Жуковский, вероятно, ориентировался на роман М. Эджворт «Елена» (1834 г.), упомянутый в том же письме.

Исследователями до сих пор не были установлены источники всех переводных повестей Зонтаг (в том числе – вошедших в один сборник с «Олинькой и бабушкой ее Назарьевной»). В рамках настоящей работы мы ограничимся только указанием на эти проблемы, отметив перспективность соотнесения «программы писательства» Жуковского со сборником «Повести и сказки для детей».

Сборник пользовался большим спросом, хорошо продавался и в 1832 г. был переиздан (спустя два года после первой публикации). О его успехе говорит и множество подделок, которые начали появляться в книжных лавках почти сразу после переиздания «Повестей и сказок для детей» (см. Приложение 1. Табл. 3: №6, 9, 10, 15, 16). Парадоксально, что, несмотря на явный успех и востребованность у публики, журнальные критики сборниками А. П. Зонтаг почти не интересовались. Конечно, произведения «для детей» вообще редко удаивались больших

⁶ Об этом он писал в статье «Писатель в обществе»: «Жить как пишешь, чтобы сочинения были не маска, а зеркало души и поступков» [Жуковский: XIII, 91].

критических разборов: как правило, детским книгам посвящались совсем маленькие заметки, фактически объявления, помещавшиеся в разделах, аналогичных «Библиографической хронике» в «Отечественных записках». Почти всегда эти заметки группировались внутри обзорного текста, суммировавшего новинки книгоиздания.

В случае Зонтаг преимущественного внимания критиков в 1830–1840-е годы удостоивались те книги, к изданию которых она не была причастна, но которые спекулятивно выпускались под ее именем. Так, в означенный период вышло тринадцать рецензий, пять из которых были посвящены контрафактным изданиям:

1. Повесть «Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, сочиненная Анною Зонтаг, издательницею “Повестей для детей первого и второго возрастов”. Перевода с франц. М. Г.» (1834 г., прил. 1, табл. 1. № 3);
2. Сборник «Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных авторов, как то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, г-жи Зонтаг и многих других. Перев. с франц.» (1834 г., прил. 1, табл. 1. №4);
3. Сборник «Собрание повестей. Соч. Беркена, Кампе, Гизо и г-жи Зонтаг» (1834 г., прил. 1., табл. 1. № 6);
4. Сборник «Детская Библиотека, содержащая в себе любопытныя и нравоучительныя повести многих иностранных Авторов, с присовокуплением повести Голубок, сочинения Г-жи Зонтаг. Перевод с Французскаго» (1835 г., прил. 1., табл. 1. № 8);
5. Сборник «Повести для детей Анны Зонтаг издательницы повестей <...> Перевод с французского М. Г. и И. Г.» (1836 г., прил. 1. табл. 1. № 10).

Сама Зонтаг вспоминала об этом в письме к А. М. Соковниной⁷ от 5 ноября 1850 г.:

Когда вышли мои повести, у тебя еще не было внучек, которым это чтение было нужно, и потому ты ничего об них не знаешь; но в детском мире они произвели *figo*, и их тотчас раскупили. Под моим именем стали выходить разные дрянные книжонки, чтобы лучше можно было их продать; вот почему для *чести моего пресловутого имени* <курсив

⁷ Анна Михайловна Соковнина – близкая подруга А. П. Зонтаг, сестра С. М. Соковнина, соученика В. А. Жуковского и братьев Тургеневых по пансиону

Зонтаг. – А. Б.> и нужно было бы издать полное собрание моих повестей, переведенных и сочиненных мною [Письма А. П. Зонтаг к А. М. Соковниной: 136].

Особого внимания заслуживает последний сборник из приведенного выше списка. Его заголовок примечателен, поскольку в нем указаны инициалы тех, кто якобы «перевел» повести Зонтаг с французского языка. Этот сборник вышел в 1835 году и включал в себя пять произведений (см. подробнее в прил. 2, табл. 3, № 9), ни одно из них, скорее всего, А. П. Зонтаг не принадлежало. Как следует из списка выше, «Повести для детей Анны Зонтаг...» – не единственная подделка мистификаторов под криптонимами «М. Г.» и «И. Г.»⁸. Инициалы «М. Г.» стоят также в заголовке повести «Блестящий червяк...», вышедшей в 1834 году в типографии М. Пономарева (прил. 2, табл. 3, №6) и выдержавшей затем несколько переизданий (прил. 2, табл. 3, №6, 15, 16).

Почти все отзывы о перечисленных книгах были резко негативными⁹, однако возмущение рецензентов вызывалось в первую очередь качеством книг. На фальсификацию авторства А. П. Зонтаг, ничего подобного не писавшей и не переводившей, никто не обращал внимания. Единственным случаем, когда автор заметки упомянул о «детской писательнице А. П. Зонтаг», был небольшой отзыв в 14-м томе «Библиотеке для чтения» за 1836 г.:

Господа «М. Г. и И. Г. с картинками» не удовольствовались простым переводом прелестных детских повестей Г-жи Зонтаг: они еще их переделали, как только можно переделать, – переделали по-московски, без пощады, без милосердия. Милостивые государи М. Г. и И. Г. с картинками! За что изволили вы так их переделать? Если б господа М. Г. и И. Г. не были людьми с картинками, мы, право, подумали, что они враги всему изящному! [БДЧ 1836: 80–83].

Критик возмутился тем, как были переделаны «прелестные детские повести» Зонтаг. К сожалению, остается непонятно, о каких повестях Зонтаг здесь идет речь (напомним, что, по нашим наблюдениям, произведения из сборника,

⁸ Наиболее вероятно, что под псевдонимом «М. Г.» в этом случае скрывается Мария Александровна Гагарина – переводчица, сотрудничавшая в журнале «Звездочка» в 1849 г. [Масанов: 141]. Установить личность «И. Г.» нам пока не удалось.

⁹ Исключение составляет отзыв на три книги, включая сборник «Детский рассказчик...». По поводу всех комментируемых изданий рецензент подытоживает: «Три книжки, которых привели мы здесь заглавия, могут быть смело употреблены ими для этой цели, особенно первая, которая даже переведена хорошо» [БДЧ 1834: 6–7].

переведенного «М. Г. и И. Г.», не могли быть переведены с французского, поскольку Зонтаг никогда не издавалась по-французски).

На 1830–1840-е годы приходится только один отзыв на «Повести и сказки для детей» (прил. 1., табл. 1. №5) – первый сборник Зонтаг, сыгравший важную роль в формировании ее репутации «известной детской писательницы». Это заметка в «Библиотеке для чтения», в которой рецензент ограничивается немногословным комментарием:

На предыдущие части Повестей Г-жи Зонтаг и на достоинства их перевода мы уже имели случай обратить внимание родителей в одной из прежних книжек Б. для Ч. [БДЧ 1834: 7].

Собранные нами данные позволяют утверждать, что «Повести и сказки для детей» Зонтаг не были замечены критикой при своем появлении, однако именно к этому сборнику будут обращаться критики в заметках 1840-х годов. Так, например, П. А. Плетнев комментировал «Три комедии для детей» в заметке для «Современника» в 1842 г.:

Немного у нас писательниц, которые бы, в своей сфере так понимали и исполняли литературные обязанности, как г-жа Зонтаг. *Ей одолжены дети почти целой библиотекой для чтения в первом и втором возрасте.* Новое сочинение ее отличается *опять* прекрасным содержанием и – что всего важнее – живым, увлекательным изложением, чего без решительного таланта ничем не достигнешь [Плетнев 1885: II, 341].

Плетнев соотносил новую книгу Зонтаг с ее предыдущими сборниками, за счет которых была сформирована ее литературная репутация. Похожим образом строятся рецензии на сборник «Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг» (впервые опублик. в 1844 г.) (прил. 1., табл. 1. №20, 21) – еще одну крупную фальсификацию, подписанную именем А. П. Зонтаг¹⁰.

В первой заметке, опубликованной в 1844 г. в благосклонно настроенном к А. П. Зонтаг «Современнике», рецензент говорит о ней как об известной писательнице с хорошей репутацией:

¹⁰ В третьем номере «Москвитянина» за 1844 г. Зонтаг опубликовала «Письмо к редактору», в котором сообщалось, что «напечатанная теперь книга была продана <...> десять лет тому назад г-ну Смирдину, как переводы, а не сочинения. <...>» [Зонтаг 1844а: 78]. Их Смирдин так и не опубликовал, а с Иогансенем, издавшим «Новые повести», Зонтаг «никогда <...> не имела никакого сношения» [Там же].

Имя сочинительницы так известно, ее издания для детей столько уже принесли пользы, что распространяться о достоинстве новых ее повестей мы считаем за излишнее [Современник 1844: 333].

Тем не менее, низкое качество печати вынуждает рецензента сомневаться в причастности Зонтаг к изданию «Новых повестей для детей»:

Одно удивляет нас, что в новом издании мы не встретили той исправности печатания, которую всегда отличались книги г-жи Зонтаг. Это заставляет нас думать, что она не принимала участия в этих повестях как издательница [Там же],

— однако в авторстве повестей из сборника рецензент не сомневается.

Намного более подробно о сборнике высказывается рецензент «Москвитянина»:

Читателю известно уже мнение Москвитянина о произведениях г-жи Зонтаг. Теперь она дарит детей еще семью повестями, хотя они и не все новы <курсив автора рецензии. – А. Б.> (рассказ о волшебном светильнике с двенадцатью ветвями давным-давно читали мы в немецких хрестоматиях и даже, в форме драматического рассказа, года два тому назад в Сыне Отечества), и, за исключением двух повестей о браслетах, – не сочинены <курсив автора рецензии. – А. Б.> г-жею Зонтаг <...> Слог хорош и выбор повестей удачен, за исключением рассказа или анекдота о *Наказанной скупости* <курсив рецензента. – А. Б.> [Москвитянин 1844: 570].

Отметим, что это – единственная рецензия нашего корпуса, размещенная не в библиографическом разделе, а в разделе «Критика». В начале отзыва автор сослался на рецензии в предыдущих номерах «Москвитянина», вновь таким образом отсылая к авторитету Зонтаг. Далее рецензент подчеркивал, что большинство повестей из сборника «не сочинены г-жею Зонтаг». Коротко скажем, что это замечание – следствие меняющегося в 1840-х годах отношения к переводным текстам. Как замечала по этому поводу М. С. Костюхина, попытки (не всегда удачные) рецензентов определить степень оригинальности сочинения были свидетельством «наконец наступившего размежевания оригинальных и переводных текстов» [Костюхина: 51] и «“национализации” иноземных источников» [Там же].

Ссылаясь на «мнение Москвитянина о произведениях Зонтаг», рецензент, вероятно, имел в виду абзац из статьи С. П. Шевырева, занимавшей весь критический раздел в третьем номере «Москвитянина» за 1842 г.:

Особенно благодарны мы писательницам, посвятившим перо свое книгам для воспитания детей. До них редкие понимали у нас язык, каким надобно говорить с детьми <...>. Г-жа Зонтаг применила изящный слог Карамзина и Жуковского к понятию маленьких читателей и, можно сказать, классически образовала детский слог: нам случалось слышать, как правильно и стройно выражаются шестилетние дети, читавшие ее Священную Историю [Москвитянин 1842: 182].

Размышляя в статье о вкладе писательниц в русскую литературу, Шевырев делит их на несколько «групп»: детские писательницы, прозаики и поэты (о последних он отказывается говорить). Первую группу представляют у него две наиболее популярные в начале 1840-х годов сочинительницы: А. О. Ишимова и А. П. Зонтаг. Шевырев первым сравнил слог Зонтаг со слогом Карамзина и Жуковского, указывая таким образом на преемственность. Интересно, что в слоге Ишиимовой Шевырев выделяет в первую очередь «женскую прелесть», которую не сможет «перенять никакой мужчина». Зонтаг же, по его мнению, не просто унаследовала изящество слога Карамзина и Жуковского, но и придала его языку детской литературы, т.е. проделала с языком детских книг то, что когда-то сделал с языком «большой» русской литературы Н. М. Карамзин.

Как было показано в начале главы, Жуковский в начале совместной литературной работы с Зонтаг давал ей множество рекомендаций о том, как надлежит писать для детей. Соблюдая эти советы и следуя наставлениям Жуковского, Зонтаг удалось овладеть «изящностью слога Карамзина», однако единственным современником, указавшим на это, был С. П. Шевырев. П. А. Плетнев, отозвавшийся на повесть «Олинька и бабушка ее Назарьевна» в личном письме к Жуковскому, также не обратил внимание на преемственность Зонтаг по отношению к Карамзину. Материал немногословных критических заметок не позволяет определить, разделяли ли современные читатели это впечатление. Как мы видели, внимание журнальных критиков часто было обращено на книги, выпущенные под именем Зонтаг, но прямого отношения к ней не имевшие. Так или иначе, в немногочисленных и лапидарных отзывах об оригинальных произведениях Зонтаг рецензенты почти всегда отмечали ее «особенный», «хороший» слог.

В 1841 году, за год до публикации статьи Шевырева, Зонтаг была вынуждена на несколько лет прекратить активную издательскую деятельность. Причиной этому

было тяжелое потрясение – смерть мужа Е. В. Зонтага. Овдовевшая Зонтаг вернулась в Мишенское, однако занятий литературой не оставила, поскольку публикации были единственным источником ее заработка (остальной доход составляла пересылаемая ей часть пенсии Жуковского). Во второй половине 1840-х годов она сотрудничала в разных журналах для детей («Звездочка» А. О. Ишимовой, «Библиотека для воспитания» А. Семена), переиздавала «Священную историю для детей, выбранную из Ветхого и Нового Завета» и совсем редко публиковала давно написанные тексты¹¹.

Как следует из вышесказанного, рекомендации Жуковского «приняться за роман» Зонтаг по какой-то причине не последовала. Однако помимо романа Жуковский предлагал ей заняться написанием воспоминаний. К этому сюжету мы обратимся в следующей главе.

¹¹ Например, сборник «Сказка в виде Альманаха на Светлое воскресенье 1844 года. А. П. Зонтаг (из Гауфа)» [Зонтаг 1844б], в который вошли некоторые сказки 1000 и 1 ночи, переводом которых Зонтаг занималась совместно с А. П. Елагиной и В. А. Жуковским в 1839-м году.

Глава II.

А. П. ЗОНТАГ – «БИОГРАФ НАШЕГО СЕМЕЙСТВА»

После 1841 года Зонтаг на несколько лет отошла от активного печатания своих сочинений, хотя не перестала писать, а во второй половине 1840-х сотрудничала с детскими журналами. В 1849 г. она анонимно дебютировала в новом для себя жанре. В третьей части «Москвитянина» были опубликованы ее «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского» [Зонтаг 1849].

Появление этой публикации по ряду причин выглядит очень примечательным. Во-первых, в середине XIX в. публикация воспоминаний о еще живом герое была почти немислима. Согласно установившемуся в русской мемуаристике описываемого периода порядку, «занимание публики самим собою» воспринималось публикой крайне критически и ассоциировалось с желанием «потешить тщеславие автора». Во-вторых, «Несколько слов о детстве Жуковского» заметно выбивались из жанрового репертуара А. П. Зонтаг, никогда прежде не писавшей ничего, кроме произведений для детей. Исходя из сказанного в первой главе, логично предположить, что анонимное выступление Зонтаг в печати с «Несколькими словами о детстве В. А. Жуковского» было следствием смены «писательского амплуа», что, в свою очередь, заставляет задуматься о причастности к нему Жуковского. Эти обстоятельства делают воспоминания Зонтаг предметом нашего интереса.

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают воспоминания Зонтаг «наиболее ценной частью ее литературного наследия» [Лебедева, Янушкевич: 563], история их создания описана плохо. Известны две «редакции» этих воспоминаний: «Несколько слов о детстве В. А. Жуковского» («Москвитянин», 1849 г.) и «Письма А. П. Зонтаг к князю П. А. Вяземскому» («Русская мысль», 1883 г.) [Зонтаг 1883]. «Несколько слов...» были повторно опубликованы (тоже в «Москвитянине») в 1852 г., сразу после смерти Жуковского, вместе с «дополняющим» их письмом А. П. Елагиной [Елагина]. Отметим, что эта публикация требует отдельного анализа, поэтому сейчас мы ограничимся разговором о текстах 1849-го и 1883-го годов.

«Несколько слов о детстве В. А. Жуковского» представляют собой небольшой текст (13 журнальных страниц), начинавшийся словесным портретом Жуковского (в романтическом духе):

Он был строен и ловок; большие карие глаза блистали умом из-под длинных черных ресниц <...>; густые, длинные, черные волосы грациозно вились по плечам [Зонтаг 1849: 3–4].

После следует ряд эпизодов из жизни Жуковского-ребенка (изображение малолетним Жуковским иконы Боголюбской Богоматери на полу горницы, «защита» юной Зонтаг от задир в доме М. Г. Буниной, организация домашней постановки «Камиль, или Освобожденный Рим» и т.д.). Основной мотив публикации – гениальность Жуковского, черты которой проявлялись еще с детства, но не были замечены его учителями. Публикация завершается показательным фрагментом, в котором описание встречи главного героя с Феофилактом Гавриловичем Покровским – учителем, считавшим его «неспособным учеником» [Зонтаг 1849: 9], мотивировало интроспективное описание «возвышенной души» поэта:

Покровский смешался, видя молодого человека, которого он так притеснял в ребячестве, теперь уже отличенного публикой по своим дарованиям, любимого и уважаемого. Но Жуковский бросился обнимать своего бывшего учителя, встретил его как старого друга с искренней радостью, не помня прежних неудовольствий! <...> *Возвышенная, благородная душа Василия Андреевича неспособна была питать никакого неприязненного чувства; кроме благодушия в ней ничто не могло вмещаться* и вот почему, дожив до старости, он сохранил какую-то младенческую ясность и веселость. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят!» [Зонтаг 1849: 12].

Известно, что «Несколько слов о В. А. Жуковского» были написаны «по заказу» М. П. Погодина, профессионального ученого и редактора «Москвитянина». А. С. Николаев в своей статье о Зонтаг для Русского биографического словаря [Николаев] сообщает, что Погодин сначала обратился к А. П. Елагиной, однако та отказалась, объяснив, что не может «перебирать еще нашей жизни» (цит. по [Барсуков: X, 186]), – и пообещала передать просьбу Погодина А. П. Зонтаг. Николаев считал главным мотивом Погодина желание «со своей стороны принести дань уважения Жуковскому» [Николаев: 452]. Здесь он повторяет без ссылки Н. П. Барсукова, биографа М. П. Погодина (см. подробнее [Барсуков: X, 186–187]).

Конечно, это возможная трактовка, но стоит помнить о характерной для 1840-1850-х годов «тенденции» к сбору и публикации мемуаров. В это время произведениями мемуарного жанра наполняются и периодические издания, в том числе – погодинский «Москвитянин»¹².

Получив заказ Погодина, Зонтаг собрала материал для мемуаров и отправила его Жуковскому на редактуру. Отправляя окончательный текст (см. текст итоговой публикации [Зонтаг 1849]) издателю, она позволяла ему корректировать только слог, не трогая фактографию:

Узнав от Авдотьи Петровны, что вы желали бы иметь некоторые сведения о детстве Василия Андреевича Жуковского, беру смелость доставить вам несколько слов об этом предмете. Если вы найдете их достойными быть помещенными в *Москвитянин* <курсив Зонтаг. – А. Б.>, то прошу вас исправить слог, выражения и все, что вам покажется нужным, *кроме фактов, совершенно справедливых. Их признает такими и сам Василий Андреевич* (цит. по [Барсуков: X, 187]).

Из формулировки просьбы (в которой скрыт запрет на искажение фактов) следует, что рукопись Зонтаг уже была одобрена Жуковским. Единственное, что остается неизвестным: знал ли он, что присланные Зонтаг «сведения о целом ряде лиц, связанных с прошлым их обоих» [Уткинский сборник: 123]¹³, были собраны для готовящейся по запросу М. П. Погодина публикации.

Как и в случае с литературным дебютом Зонтаг (публикацией перевода «Эдинбургской темницы» в 1825 г.), Жуковский «перехватил инициативу». В ответном письме (от 6/18 марта 1849 г.) он предложил Зонтаг заняться более масштабным проектом – написать не просто воспоминания о годах его детства, а «биографию семьи Буниных»:

¹² О роли М. П. Погодина и его «Москвитянина» «во введении в общественный оборот множества исторических источников» (об этом: [Тартаковский 1991: 153–155]) подробно писал А. Г. Тартаковский. По его наблюдениям, из 185 публикаций мемуаров в русской периодике за 1841–1855 гг., 65 (больше трети) были опубликованы в «Москвитянине». 30 из 65 мемуарных публикаций были переданы Погодину самими авторами – в ответ на просьбы, подобные той, которую Погодин адресовал А. П. Елагиной.

¹³ Примечание составителей «Уткинского сборника» к цитируемому ниже письму: «В письме от 16 января <1849 г. — А. Б.> Анна Петровна дала ему <Жуковскому. — А. Б.> сведения о целом ряде лиц, связанных с прошлым их обоих» [Уткинский сборник: 123].

Вот в чем дело: вы так мило говорите о нашем прошлом, и так мило, просто, правильно и приятно <...> пишете по-русски, что *мне живо захотелось вас из биографа великих мужей древности для детей превратить в нашего семейного биографа* [Уткинский сборник: 123].

Под биографиями «великих мужей древности для детей» Жуковский имеет в виду «Избранные жизнеописания знаменитейших людей в древности» – своеобразную историко-биографическую энциклопедию для детей, над которой Зонтаг работала в 40-е годы. Публикация не состоялась, поскольку А. Ф. Смирдин, который должен был издавать книгу, разорился.

Предложив Зонтаг амплу «биографа семейства Буниных», Жуковский представил свой сценарий работы:

Я бы на вашем месте сделал так: сперва просто написал бы хронологический, табелярный порядок всех главных событий, по годам, как вспомнится. Потом сделал бы роспись всех лиц, нам знакомых (от моего Максима до императрицы). Имея эти две росписи, каждый день брал из них какой-нибудь предмет для описания; не подчиняя себя никакому плану, а так, на волю Божью, на произвол сердца, на вдохновение минуты. Какое было бы занятие, полное, животворное, воскресительное для прошедшего, живительное для настоящего и приготовительное для здешнего и загробного будущего... [Уткинский сборник: 124].

Напомним, что подобная просьба уже появлялась в его переписке с Зонтаг. Тринадцатью годами ранее, в апреле 1836 года. В уверенности, что цензурные мытарства «Священной истории...» закончены, Жуковский предлагал Зонтаг заняться романом или мемуарами:

Я бы вам присоветывал сделать и другое: *напишите свои воспоминания, или, лучше сказать, наши воспоминания*. Для этого не нужно и плана; или вот какой план: сделайте по азбучному порядку роспись имен всех тех, кого знали, и каждый день напишите что-нибудь о ком-нибудь из этого лексикона: пропасть приклеится само собою и постороннего, и мыслей всякого рода, и описаний, и собственных опытов [Уткинский сборник: 111–112].

Композиция этого письма совпадает с приведенными выше письмами 1827 и 1849 гг.: за предложением нового амплу для Зонтаг и постановкой задачи следуют рекомендации, каким путем идти к цели. Однако формулировки Жуковского в позднем письме о мемуарах – более конкретны: вместо «чего-нибудь о ком-нибудь из лексикона» – искреннее, «на вдохновение минуты» описание знакомых из общего прошлого, а задача определяется не как «свои, или лучше сказать, наши

воспоминания», а как «*биография* нашего семейства». Значит, Жуковский обдумывал и обсуждал проект создания воспоминаний с А. П. Зонтаг задолго до обращения М. П. Погодина к последней. Приведенная выше цитата позволяет также предположить, что в замысел Жуковского входила не только его биография, но и биографии других членов семьи Буниных. В книге «Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века» А. Г. Тартаковский указал, что «среди бумаг Жуковского сохранился датируемый, видимо, 1840-ми гг. его собственноручный “набросок к задуманным воспоминаниям”» [Тартаковский 1997: 196], информацию об этом находим и в «Указателе воспоминаний, дневников и путевых заметок XVIII–XIX вв.» (см. об этом: [Указатель воспоминаний: 68]). Это является еще одним свидетельством, что Жуковский в 40-е годы вел работу над своей собственной (отличной от вышедшей в «Москвитяине») версией воспоминаний.

По нашим наблюдениям, «биография семейства Буниных» замышлялась Жуковским как совместный с Зонтаг проект. Подтверждение этому находим, например, в письме Зонтаг к А. М. Соковниной от 5 ноября 1850 г.:

На днях я получила премилое письмо от Жуковского; и он восхищается моими письмами; но его восторг мне очень понятен. *Он велел мне, для составления собственных записок, писать воспоминания нашего детства*; я делаю это с удовольствием; припоминаю весь ребяческий вздор и отправляю к нему частехонько предлинные послания, которые напоминают ему веселое прошедшее... [Письма А. П. Зонтаг к А. М. Соковниной: 135],

– и более позднем письме Жуковского (от 15 апреля 1851 г.):

Жду от вас *продолжения нашей общей летописи*. Вы описали в одном из последних ваших писем неприязнь ко мне Филиппа Гавриловича. Я помню, как он запретил мне ходить в училище, но совсем не помню, что было причиной его ко мне неприязни. Весьма будет мне весело, *когда начну перечитывать с пером в руках ваши письма и вставлять в них заплаты моих собственных воспоминаний*, которые пробуждаются от ваших [Уткинский сборник: 130].

Приведенные цитаты проясняют, что работа над воспоминаниями велась Жуковским и Зонтаг совместно: некоторые фрагменты присылала она, некоторые добавлял он. Это обстоятельство позволяет говорить об очередном этапе эволюции их литературных отношений. Определив Зонтаг амплу «мемуаристики», «биографа семейства Буниных», Жуковский предлагал ей – своей «одноколыбельнице»,

причастной общему «прошедшему» – роль соавтора в важном для него проекте воспоминаний «для немногих».

Публикация «Нескольких слов о детстве В. А. Жуковского» и интенсивная работа над «биографией семейства Буниных» пришлись на самый конец эпохи «мемуарного поворота» (1820–1850). Под «мемуарным поворотом» мы, вслед за А. Г. Тартаковским, понимаем заметный рост интереса к мемуарам как у читающей аудитории, так и у издателей. Уже в 1840–1850-х мемуаристика была лейтмотивом корреспонденции многих литераторов – все «вербовали всех писать записки». Например, с такой просьбой в январе 1850 г. к В. А. Жуковскому обратился П. А. Плетнев, как и многие другие авторы, в это время увлеченный идеей «историзма». В конце 1840-х годов он оставил журнальную деятельность и «переквалифицировался» в биографа, завершил биографию И. А. Крылова и собирался приступить к биографии Н. М. Карамзина. Свои планы Плетнев обсуждал с Жуковским: вслед за карамзинской биографией должна была последовать биография Жуковского, но на нее следовало получить одобрение. 3 января 1850 г. он писал Жуковскому:

В Москве необыкновенная литературная деятельность <...>. Вам, Василий Андреевич, предлежит важнейший теперь подвиг: “Составление в виде Записок всего того из вашей жизни, что можно передать в публику”. Это лучшее, полезнейшее и приятнейшее дело для вас и для современников ваших. <...> Дмитриев, Карамзин, Крылов, Батюшков и Пушкин – сколько глав одни они доставят вас для работы. Другие ваши знания прекрасны – спору нет; но эти необходимые, даже священные [Плетнев: III, 623].

Плетнев хотел, чтобы в *записках* Жуковского в первую очередь были зафиксированы литературные воспоминания, а главной целью записок видел противодействие «скаредному настоящему, усиливающемуся разрушить все лучшее в литературе»:

Это будет завет ваш потомству, которое без него останется в слепоте на счет прекрасного прошлого, быв отуманено скаредностью настоящего, усиливающегося разрушить все лучшее в литературе [Там же].

В следующем письме (от 28 марта 1850 г.) Плетнев уточнял:

Вы, до переезда во дворец, лучшую часть жизни провели с лучшими нашими литераторами. Кому-нибудь надобно же произнести о них вдохновенное слово. *Иначе к отдаленному*

потомству они обречены будут явиться с ярлыками, наклеенными на них Белинским [Плетнев: III, 655],

– здесь он формулировал свое понимание мемуаристики более точно: она – антитеза «критике», способ противостоять «наклеиванию» ярлыков и ложным интерпретациям.

В. А. Жуковский ответил ему 6 марта 1850 г. резким отказом:

Вы хотите, чтобы я написал свои мемуары. На этот вызов решительно отвечаю: нет, сударь, не буду писать своих мемуаров. Чтобы дерзнуть на такую исповедь перед светом, надобно быть или святым Августином, или развратным циником Руссо... [Плетнев: III, 645].

Остановимся на этом письме чуть подробнее, поскольку столь категоричный, как мы увидим, отказ Жуковского писать свои мемуары заметно контрастирует с главной темой его переписки с А. П. Зонтаг 1850–1851 гг. Аргументируя отказ, Жуковский ссылался на два текста, которые считал полюсами жанра: «положительный» («Исповедь» Блаженного Августина) и «отрицательный» («Исповедь» Ж.-Ж. Руссо). Эта реплика проясняет, какими Жуковский видел *свои* мемуары. В отличие от Плетнева, считавшего главной ценностью *записок* «свидетельства», Жуковский на первое место ставил интроспекцию. Он утверждал, что его мемуары могут быть «только психологическими, то есть, историей души» [Плетнев: III, 646] по двум причинам. Первая – недостаток событийности¹⁴:

Событиями, интересными для потомства жизнь моя бедна; да и те события, которые мог бы я описать, были бы конечно худо описаны [Плетнев: III, 646].

Вторая – убеждение в том, что мемуары поэтов, могут иметь только исповедально-автобиографический характер:

Мемуары мои и *подобных мне* могут быть только психологическими, то есть, историей души [Там же].

¹⁴ Отметим, что к указанию на низкую событийность, «ординарность» и «неназидательность» прожитой жизни прибегали многие мемуаристы XVIII в. Так, например, в мемуарах А. Т. Болотова находим: «в ней <Жизни. – А. Б.> нет никаких <...> достопамятных и важных происшествиев, которые бы достойно были переданы быть свету» [Болотов: 3]. Так же писал А. Р. Воронцов о своих заметках: «<Они. – А. Б.> не годятся <...> для того, чтобы их когда-нибудь печатать для всеобщего сведения» [Воронцов: 227]. Так мемуаристы оправдывали публикацию записок в эпоху, когда издание мемуаров напрямую ассоциировалось с «желанием автора потешить свое тщеславие».

«Дерзнуть на исповедь перед светом» Жуковский не решался, поскольку «выставлять себя таким, каков» он был и есть, «не имел духу» [Там же], а ложь в мемуарах, как в исповеди, для него была неприемлема.

Единственным типом мемуаров, заслуживающим внимания публики, В. А. Жуковский считал мемуары государственных деятелей. Он противопоставлял «поэту» (который может описывать действительность только «фантастически») «политика», способного писать «объективно», соотнося позицию мемуариста с «общественной точкой зрения». В большинстве же современных мемуарных публикаций он видел тщеславие, «чванство» автора, меркантильную подоплеку:

С одной стороны глупое хвастовство и чванство (прочитайте *Les mémoires d'outre-tombe* Ламартина и пр.); с другой, или спекуляция денежная, которая наводнила литературу фальшивыми мемуарами, или спекуляция порока, разврата, соединенная с корыстью, которая заставляет самих преступников, воров и развратных б.....ов (Casanova) нагло писать за деньги свои грязные признания, чтобы в одно время или угодить какой-нибудь низкой страсти, или увлечь в свой разврат тех, которых неразвратность служит упреком такого рода самохвалам [Плетнев: III, 647].

Заключая пассаж о мемуарах, Жуковский оговаривался:

<...> Впрочем, если напишется, в последнем еще несуществующем томе сочинений моих будет нечто в роде мемуаров, но только в *одном литературном смысле* [Плетнев: III, 647].

Мы предполагаем, что здесь под «мемуарами только в одном литературном смысле» имеется в виду «биография семейства Буниных»¹⁵, над которой Жуковский работал вместе с А. П. Зонтаг (напомним, что работа ведется параллельно переписке с Плетневым). В переписке с ней Жуковский просит продолжать работу над воспоминаниями, всячески «подбадривает» Зонтаг и высоко ставит мемуарный жанр. Эти же письма проясняют выражение «мемуары в одном литературном смысле». Так, в письме от 30 сентября 1850 г. находим:

Я думаю, вы теперь сами благодарите меня за то, что мне вздумалось сделать вас анналистом нашего общего прошедшего. *Здесь я думал не о сочинении в роде обыкновенных мемуаров нашего времени*, которых авторы более или менее жеманятся перед собою, чтоб

¹⁵ Не менее вероятно, что Жуковский имеет в виду, например, поэму «Странствующий жид», на что уже было указано исследователями (например, [Киселева]).

передать жеманные портреты своим современникам и потомству; *мне хотелось просто пожить в нашем общем прошедшем*, которое резкой чертой отделено и от моей теперешней семейной [Уткинский сборник: 127]

Жуковский мыслит воспоминания как «возможность пожить в общем прошедшем», т.е. вернуться в идиллию прошлого. Этой же цели служила «домашняя словесность» Жуковского, которая, как было замечено Т.Н. Фрайман, являлась «для автора частью стратегии “жизнестроительства”, средством описания своей жизни и “планов счастья”» [Фрайман: 176]. Видимо, попытки Жуковского построить идиллическую «уединенную жизнь» не ограничились созданием нескольких циклов «домашней поэзии», а были продолжены. Мы предполагаем, что «биография семейства Буниных», задуманная Жуковским в 1836 г., должна была продолжить собой традицию «домашней словесности», правда, в новом роде — не стихами, а прозой.

Кроме того, «биография семейства Буниных», как нам кажется, должна была пополнить собой ряд произведений, написанных Зонтаг по рекомендации Жуковского. Речь идет о детской повести «Олинька и бабушка ее Назарьевна» (впервые опубл. в 1832 г.) [Зонтаг 1832] и о повести «Путешествие в Луну»¹⁶ [Зонтаг 1904], известной также под заголовком «Сказка о Максиме Григорьевиче и супруге его Аксинье Кузминичне» [Уткинский сборник: 112]. Действие второй повести также разворачивается в Белеве и его окрестностях, а в героях легко угадываются прототипы: сестры Протасовы, камердинер Жуковского Максим и др. Как было показано в первой главе настоящего исследования, Жуковский рассматривал чтение «Олиньки и бабушки ее Назарьевны» (написанной в соответствии с той же программой, что перечисленные выше произведения) как возможность вернуться в «прекрасное прошедшее», ассоциировавшееся у него с Мишенским и поэтическим дебютом – созданием «Греевой элегии».

Завершить проект и опубликовать воспоминания помешала смерть Жуковского в 1852 г. Однако его сотрудница не забросила проект, об этом говорит появление в

¹⁶ Впервые опубл.: «Русский архив. 1904», Кн. 3. С. 589–599., но, вероятнее всего, создано в 1836-м году. В письме от 30 ноября 1836 г. Жуковский пишет о намерении поместить «вашу <А. П. Зонтаг. – А. Б.> статью у Вяземского в альманахе» [Уткинский сборник: 113]. Имеется в виду альманах «Старина и Новизна»).

1883 г. в журнале «Русская мысль» публикации «Письма А. П. Зонтаг, урожд. Юшковой, к князю П. А. Вяземскому» [Зонтаг 1883] – самой известной и тиражируемой «редакцией» воспоминаний Зонтаг о детстве Жуковского.

Два «письма» были составлены в 1854 г. и представляли читателям биографию В. А. Жуковского от рождения до 1815 г.. Некоторые их фрагменты совпадают с «Несколькими словами о детстве В. А. Жуковского» (напр., сохранены пассажи об иконе Боголюбской Богородицы и Ф. Г. Покровском), но в целом история семьи Буниных описана в «Письмах...» намного подробнее (изложены подробности появления в доме Буниных матери Жуковского, Елизаветы Дементьевны Турчаниновой, а также описано детство самой Зонтаг).

П. А. Висковатов, опубликовавший «Письма Зонтаг к Вяземскому», снабдил их комментарием:

По сообщениям Зейдлица, письма эти никогда не доходили до кн. Вяземского. Князь сам высказал это Зейдлицу, когда последний обращался к нему по поводу издания биографии Жуковского. Все письмо списано с чернового наброска Анны Петровны Зонтаг самим Зейдлицем. Им же сделаны и примечания на полях [Зонтаг 1883: 266].

Как следует из комментария, П. А. Вяземский никогда не получал писем Зонтаг, однако известно, что он почти сразу после смерти Жуковского «поручил в Москве просить г-жу Зонтаг собрать и записать все свои воспоминания о Жуковском» [Плетнев: III, 407], и она начала присылать ему материалы. Посредником выступал П. А. Плетнев, прежде руководивший издательскими делами Зонтаг. Плетнев дважды упоминает о биографических материалах в письмах к Вяземскому, первый раз 14 ноября 1858 г.:

В ответ на письмо ваше к А. П. Зонтаг, которое я отослал к ней, она дарит вас продолжением биографии Жуковского, здесь прилагаемой. Если вы не поленитесь подстрекать ее своими отзывами, она усердно будет для вас работать [Плетнев: III, 464];

– и затем 13 февраля 1859 г.:

NB. *Прилагаю рукопись Зонтаг* и для печатанья ваши процензированные стихотворения [Плетнев: III, 474].

Легко предположить, что, если с 1852 по 1859 гг. А. П. Зонтаг и П. А. Вяземский обменивались письмами, содержащими сведения о биографии Жуковского, то

Висковатов именно их и напечатал как «Письма Зонтаг к Вяземскому». Однако свидетельство Вяземского, на которое ссылается Висковатов, противоречит этой версии.

Мы предполагаем, что «Письма Зонтаг к Вяземскому» на самом деле представляли собой эпистолярный вариант «биографии семейства Буниных». Опубликовать биографию в исходном виде Зонтаг, очевидно, не могла. Как мы видели, в необходимости и возможности ее публикации сомневался сам Жуковский, а для «детской писательницы» выступление в печати с таким текстом было бы слишком смелым шагом, почти настолько же смелым как публикация «Нескольких слов о детстве В. А. Жуковского». Хотя Зонтаг опубликовала их анонимно, читательская реакция на публикацию была скорее негативной. Публичных откликов не последовало, однако нам удалось найти несколько частных мнений, высказанных в переписке, в их числе довольно категоричный отзыв А. П. Елагиной. После того, как М. П. Погодин приписал ей «Несколько слов о детстве Жуковского», она отвечала ему в письме, указывая на то, что автор публикации говорил о Жуковском без подобающей серьезности:

Статью о Жуковском прислала не я, а знаменитая писательница для детей Анна Зонтаг, которая и обладает Мишенским. Досадно мне, что вы приняли это за мой слог, я бы писала серьезнее: Жуковский стоит того (цит. по [Барсуков: X, 187]).

Публикация также привлекла внимание К. Я. Грота и П. А. Плетнева. Так, Я. К. Грот писал, что Жуковский, вероятно, имел к ней прямое отношение:

№ 9 Москвитянина лежит у меня на столе, но я еще не успел заняться им. Возьму его с собой в дорогу. Кто же была мать Жуковского? <...> Прочитал я интересную статью о детстве Жуковского. Мне остается загадкой лицо его матери. Какую роль играла она в доме Бунина и как была ее фамилия? Кто был сам Бунин? – Нет ли известий от Жуковского? *Вероятно, он читал в рукописи эту статью, и кое-что в ней исправил и дополнил* [Переписка Грота и Плетнева: III, 433].

Плетнев опровергал предположение Грота, ссылаясь на П. А. Вяземского, который считал «Несколько слов о детстве...» слишком откровенными:

Ты полагаешь, что Жуковский читал и дополнил статью Москвитянина. Этого не может быть, да и надобности не было. Зонтаг, вероятно, сама все помнит и может написать о детстве его еще более. Вяземский, напротив, полагает, что эта статья, по нескромности, даст

Жуковскому на некоторое время неприятное впечатление. *Он говорит, что все это можно писать только об умершем авторе, а человеку живому неприятно, когда без ведома его разоблачают семейные его тайны* [Переписка Грота и Плетнева: III, 437].

Реакция П. А. Вяземского показательна. Хотя он еще в 1847 г. заступался за право мемуариста считаться «настоящим автором» и видел в европейских мемуаристах «сподвижников в деле книгопечатания, признающих Гуттенберга своим предком» [Вяземский: II, 350]), одобрить публикацию *воспоминаний о еще живом герое* Вяземский не мог, поскольку такая публикация нарушала «установившийся порядок» в русской мемуарной литературе.

Остается непоясненным, почему в качестве адресата А. П. Зонтаг обозначила именно П. А. Вяземского. Мы предполагаем, что, задумав «Письма к Вяземскому», Зонтаг могла руководствоваться соображениями, схожими с принципами мемуаристов XVIII в. Традиция составления жизнеописаний в виде писем существовала в России с XVIII века (см. об этом: [Тартаковский 1991: 81]): как правило, «письма» были адресованы членам семьи мемуариста, «близкому кругу». П. А. Вяземский был одним из последних живых представителей «близкого круга» В. А. Жуковского; адресовав письма ему и сделав достаточное число оговорок, Зонтаг удалось бы избежать критики (как было продемонстрировано на примере «Нескольких слов о детстве В. А. Жуковского», публика была настроена к воспоминаниям довольно скептически). Отчасти это предположение подтверждается текстом «Писем к Вяземскому»:

Вы хотите, любезный князь Петр Андреевич, чтоб я писала к вам о покойном друге нашем все, что знаю со всей возможной искренностью, *прибавляя: «не нам, так другим пригодится»* [Зонтаг 1883: 266–267].

В рамках настоящей работы мы проследили историю создания мемуаров Зонтаг, попытались реконструировать их общий замысел, а также проследили связь между их созданием и «программой» В. А. Жуковского. Очевидно, что текст «Писем А. П. Зонтаг к кн. П. А. Вяземскому» нуждается в более подробном изучении, поскольку даже при первом приближении заметно, что он представляет собой сложную конструкцию из нескольких текстов (в их числе – первая редакция воспоминаний и «биография семейства Буниных») и соотносится с другими произведениями Зонтаг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на то, что «программа» В. А. Жуковского служила в первую очередь становлению А. П. Зонтаг как самостоятельного автора, «внезапные» смены ее писательского амплуа и смелые литературные дебюты были так или иначе связаны с Жуковским. На материале его переписки с Зонтаг мы проследили, как постепенно складывались и со временем менялись амплуа писательницы, и в чем заключались их главные отличительные черты.

Соотнесение содержания писем Жуковского с произведениями Зонтаг позволило нам, во-первых, в общих чертах описать влияние, которое Жуковский оказывал на Зонтаг-сочинительницу, и, во-вторых, наметить направление дальнейших изысканий. Например, требует исследования, на какие литературные образцы Жуковский ориентировался при формулировке некоторых своих рекомендаций. На разных этапах жизни в его «программных» письмах появлялись самые разные авторы: от немецких писателей для детей (Христофора Шмидта, Эрнста Кристофора Хоувальда) до английских романистов (В. Скотт, М. Эджворт). В этом перечне наибольший интерес вызывает имя М. Эджворт, творчество которой Жуковский, как известно, оценивал очень высоко и сохранял к нему интерес на протяжении почти всей жизни (см. об этом: [Жилякова: 62]). По нашим наблюдениям, среди произведений Зонтаг есть два перевода повестей Эджворт - «Браслеты. История первого мая», «Браслеты. История первого июня». Из редких высказываний Зонтаг также можно заключить, что именно английская литература ей была ближе всего:

Я не так строга, как ты, мой друг, я позволяю себе светское чтение и следую за всей современной литературой, *находя, что везде, кроме Англии, она в упадке* [Письма А. П. Зонтаг к А. М. Соковниной: 130].

Осторожно предположим, что именно М. Эджворт могла быть одним из главных прототипов, на которые Жуковский ориентировался, «наставляя» Зонтаг, однако более основательные выводы будет возможно сделать только после дополнительных изысканий.

В 1852 г. Зонтаг формулировала свое авторское кредо так:

Помнишь мой старинный девиз, который вы с Катериной Михайловной велели вырезать для меня на печати: там была лампада, с надписью: *не блеск, но польза* <Курсив в этой цитате – Зонтаг. – А. Б.>. Эта милая печатка затерялась, исчезла в бурю лет. Но я ведь все-таки держусь моего девиза *не блестять, но светить потихоньку* [Письма А. П. Зонтаг с А. М. Соковниной: 131],

– эти слова отчетливо коррелируют с тем, о чем писал в «программных» письмах Жуковский (например, что сочинения для детей должны быть в первую очередь полезными, а автор детских книг – искренним, «естественным»). Очевидно, что «литературное сотрудничество» не подразумевало безоговорочного доминирования одного из литературных партнеров, т.е. Зонтаг не должна была беспрекословно выполнять указания Жуковского. Он, конечно, был более опытным и авторитетным автором и стремился использовать свои возможности, чтобы помочь таланту Зонтаг реализоваться. Наиболее значимым проектом для соавторов должна была стать «биография семейства Буниных», однако она, к сожалению, не была доведена до конца. Возможно, обратившись к архивам Зонтаг, будущие исследователи смогут обнаружить новые следы работы над ней.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский 1900: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений В. Г. Белинского: В 12 т. СПб., 1900–1926. Т. 2.
2. Белинский 1955: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 7
3. БДЧ 1834: Библиотека для чтения. 1834. Т. 7.
4. БДЧ 1836: Библиотека для чтения. 1836. Т. 14.
5. Болотов: *Болотов А. Т.* Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков: В 3 т. М., 1993. Т. 1.
6. Бычков: *Бычков И. А.* Неизданные письма Жуковского к А. П. Елагиной и А. П. Зонтаг // *Русский библиофил.* 1912. № 7–8. С. 89–133.
7. Воронцов: *Воронцов А. Р.* Заметки о моей жизни и о различных событиях, совершившихся в течение этого времени как в России, так и в Европе // *Русский архив.* 1883. Кн. 1. Вып. 2. С. 227–290.
8. Вяземский: *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений: В 12 т. СПб., 1878–1896.
9. Грот: *Грот К. Я.* В. А. Жуковский и А. П. Зонтаг (К сорокалетию со дня смерти А. П. Зонтаг 19 марта 1864 г.). СПб., 1904. [Отд. оттиск из газеты «Правительственный Вестник». № 96, 100, 105, 119, 133, 134 за 1904 г.].
10. Елагина: *Елагина А. П.* Письмо к редактору Москвитянина // *Москвитянин.* 1852. Кн. 2. № 18. С. 122–126.
11. Зейдлиц: *Зейдлиц К. К.* Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. СПб., 1883.
12. Зонтаг 1832: *Зонтаг А. П.* Олинька и бабушка ее Назарьевна // *Повести и сказки для детей, Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов.* СПб., 1832. С. 87–130.
13. Зонтаг 1844а: *Зонтаг А. П.* Письмо к редактору // *Москвитянин.* 1844. №4. Ч. 2.
14. Зонтаг 1844б: *Зонтаг А. П.* Сказка в виде Альманаха на Светлое воскресенье 1844 года. А. П. Зонтаг (из Гауфа). М., 1844.
15. Зонтаг 1849: *Зонтаг А. П.* Несколько слов о детстве Василия Андреевича Жуковского // *Москвитянин.* 1849. Ч. 3. №9. С. 3–13.

16. Зонтаг 1852: *Зонтаг А. П.* Воспоминание о Василии Андреевиче Жуковском // Москвитянин. 1852. Кн. 2. №18. С. 113–126.
17. Зонтаг 1864: Сочельник перед рождеством Христовым, или Собрание повестей и рассказов. Для детей старшего возраста, с 10 картинками. В 2 ч. М., 1864.
18. Зонтаг 1883: *Зонтаг А. П.* Воспоминание о первых годах детства Василия Андреевича Жуковского / Публ. П. А. Висковатова // Русская мысль. 1883. Кн. 2. С. 266–285.
19. Зонтаг 1904: *Зонтаг А. П.* Путешествие в Луну (истинное происшествие) / Публ. П. И. Бартенева // Русский архив. 1904. Вып. 12. С. 589–599.
20. Из переписки: Из переписки А. П. Зонтаг с В. А. Жуковским // Русская старина. 1909. Октябрь. С. 153–168.
21. К биографии Жуковского: К биографии В. А. Жуковского. Письма к нему разных лиц за время его молодости // Русский архив. 1902. № 5. С. 127–132.
22. Москвитянин 1842: Москвитянин. 1842. №3.
23. Москвитянин 1844: Москвитянин. 1844. №3.
24. Переписка Грота и Плетнева: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым: В 3 т. / Под ред. К. Я. Грота. СПб., 1896.
25. Письма А. П. Зонтаг к А. М. Соковниной: Двадцать три письма Анны Петровны Зонтаг, рожденной Юшковой, известной писательницы книг для детского чтения, к Анне Михайловне Павловой, урожденной Соковниной // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1893 год. 1896.
26. Письма Погодина, Шевырева, Максимовича: Письма М. П. Погодина, С. П. Шевырева и М. А. Максимовича к князю П. А. Вяземскому 1825–1847 годов. (Из Остафьевского архива). СПб., 1901.
27. Плетнев 1853: *Плетнев П. А.* О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского. СПб., 1853.
28. Плетнев 1885: Сочинения и переписка П. А. Плетнева: В 3 т. СПб., 1885.
29. Современник 1844: Современник 1844. Т. 33.
30. Тихонравов: *Тихонравов Н. С.* Сочинения Н. С. Тихонравова: В 3 т. М., 1898. Т. 3. Ч. 1.

31. Указатель воспоминаний: Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок XVIII–XIX вв. (из фондов Отдела Рукописей) / Под ред. П. А. Зайончковского и Е. Н. Коншиной. М., 1951.
32. Уткинский сборник: Уткинский сборник. Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой / Под ред. А. Е. Грузинского. М., 1904.
33. Бабушкина: *Бабушкина А. П.* История русской детской литературы. М., 1948.
34. Барсуков: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1890.
35. Бекетова: *Бекетова Н. А.* Зонтаг А. П. // Материалы по истории русской детской литературы. Вып. 1. М., 1927. С. 167–187.
36. Веселовский: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
37. Долинин: *Долинин А. А.* История, одетая в роман. Вальтер Скотт и его читатели. М., 1988.
38. Жилиякова: *Жилиякова Э. М.* Мария Эджворт в контексте творчества Жуковского // Жуковский и время. Томск., 2007. С. 62–75.
39. Жуковский: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М., 1999 – ...
40. Кирьянова: *Кирьянова О. В.* А. П. Зонтаг (Юшкова) – личность и литературная деятельность: феномен «писательницы для детей». Краснодар, 2009.
41. Киселева: *Киселева Л. Н.* «Агасфер, или Странствующий Жид» как духовная автобиография В. А. Жуковского // *Varietas et concordia. Essays in Honour of Pekka Pesonen.* Хельсинки, 2007. С. 349–361. (= *Slavica Helsingiensia.* 31).
42. Костюхина: *Костюхина М. С.* Золотое зеркало. Русская литература для детей XVIII–XIX веков. М., 2008.
43. Лебедева: *Лебедева О. Б.* Зонтаг Анна Петровна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. Т. 2. М., 1992. С. 351–353.

44. Лебедева, Янушкевич: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников / Сост., подгот., вступит. ст. и коммент. О. Б. Лебедевой, А. С. Янушкевича. М., 1999.
45. Масанов: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960. Т. 1.
46. Николаев: *Николаев А. С.* Зонтаг Анна Петровна // Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 7: Жабокритский —Зяловский. С. 451–463.
47. Резанов 1906: *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского. Вып. I. СПб., 1906; Вып. II. Пг., 1916.
48. Тартаковский 1991: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII–первой половины XIX в. М., 1991.
49. Тартаковский 1997: *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.
50. Файнштейн: *Файнштейн М. Ш.* Наставницы юных (А. П. Зонтаг, А. О. Ишимова, Л. А. Ярцова) // Он же. Писательницы пушкинской поры. Л., 1989. С. 25–61.
51. Фрамайн: *Фрайман Т. Н.* О некоторых творческих моделях в поэзии Жуковского: «долбинские стихотворения» — «арзамасская галиматья» — «павловские послания» // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. IV (Новая серия). Тарту, 2001. С. 169–184.
52. Хеллман: *Хеллман Б.* Сказка и быль. История русской детской литературы. М., 2016.
53. Янушкевич: *Янушкевич А. С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского. Томск, 1985.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Тексты всех отзывов приводятся целиком, с сохранением орфографии (с несколькими оговорками: «Ъ» на концах слов не сохранены, «і» заменена на «и») и пунктуации источников. В длинных отзывах (например, в рецензии на Одесский альманах 1839 г.) фрагменты о произведениях Зонтаг (или о самой Зонтаг) выделены жирным шрифтом для упрощения ориентирования.

Большая часть таблицы состоит из публичных отзывов. В силу того, что частных отзывов на произведения Зонтаг очень мало, они также входят в настоящую таблицу. Частные отзывы помечены астериском (рядом с годом).

Таблица также включает в себя ответ А. П. Зонтаг на критику в ее адрес (см. №22 настоящей таблицы). Этот ответ помечен двумя астерисками.

Если рецензия цитируется по собраниям сочинений – рядом с цитатой указывается соответствующая ссылка.

Выходные данные публикаций приведены в столбце «Где помещено» (по принципу: Название издания – год издания – номер издания – номер отдела, в котором помещена публикация – страницы), поэтому таблица не сопровождается специальным библиографическим списком.

При составлении таблицы были учтены данные, собранные исследователями прежде. Таблица составлена на основании библиографий, приведенных в следующих работах:

1. Бекетова: *Бекетова Н. А.* Зонтаг А. П. // *Материалы по истории русской детской литературы.* Вып. 1. М., 1927. С. 167–187.
2. Кирьянова: *Кирьянова О. В.* А. П. Зонтаг (Юшкова) – личность и литературная деятельность: феномен «писательницы для детей». Краснодар, 2009.
3. Лебедева: *Лебедева О. Б.* Зонтаг Анна Петровна // *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь.* Т. 2. М., 1992. С. 351–353.
4. Хеллман: *Хеллман Б.* Сказка и быль. История русской детской литературы. М., 2016.

Таблица 1. Отзывы на книги А. П. Зонтаг. 1825–1869 гг.

№	Год	Где помещено	Рецензируемое произведение	Текст рец.
1.	1825	Московский телеграф. 1825 г. №22. Отд. 3. С. 193–194.	«Эдинбургская темница. Из собрания новых Сказок моего хозяина, изданных Джедедием Клейбштотам, пономарем и учителем Гандер-Клюфскаго прихода. Сочинение Сира Вальтера Скотта. Пер. с Франц. А...а З...ь» М., 1825. <типография не указана>	Забавное имя Джедии и чин его не должны останавливать читателей, ибо под сим именем выдано было несколько романов В. Скоттом. Эдинбургская темница есть одно из лучших его произведений. В. Скотт пробил новую тропу в такой части Словесности, которая, казалось, не обещала уже ничего новаго. Предоставляя себе удовольствие поговорить со временем о Литературных подвигах В. Скотта, мы должны сказать, что перевод Эдинбургской темницы очень хорош. — Кстати сообщить здесь читателям о литературном подлоге, который открыл нам недавно один Литератор. В Моск. Ведом. Объявлено было о сочинении В. Скотта: <i>Густав Вальдгейм</i> (М. 1824. In 16. 2 Части). В этом случае не только сделан на В. Скотта дерзкий поклеп, ибо он и не думал никогда писать такого нелепаго и безнравственного романа, каков Густав Вальдгейм, но мы сомневаемся даже, чтобы этот роман был переведен с Французскаго, хотя на заглавном листе поставлено: <i>сочинение В. Скотта, перевел с Француз. А. П...в</i> – и вот доказательство: в I Части, с 97-й стр, помещен

				целиком отрывок из сказки: <i>Альфонс и Далинда</i> , напечатанной лет 40 назад, в <i>Детском чтении</i> (см. 2 изд. М. 1819 Ч. 11 и 12). Альфонс превращен в Густ. Вальдгейма, а Далинда в Терезию. Признаемся, что подобного примера мы не встречали еще ни в какой Словесности. Случалось, что под именем известного Автора выходили книги не ему принадлежащая, так на пример, в Русском переводе, роман: <i>Беглец</i> , назван несправедливо сочинением В. Скотта, но кто и где видал, чтобы в какой-нибудь нелепый роман вставили сказку лет за 40 напечатанную, и всю эту смесь назвали – сочинением какого-нибудь известного Автора?
2.	1832*	П. А. Плетнев в письме к В. А. Жуковскому 8 дек. 1832 г. ¹⁷	«Повести и сказки для детей, Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов» СПб., 1832 г.	«Вам хотелось знать что-нибудь о литературных друзьях наших. В настоящее время первое место между литераторами, по моему мнению, занимает Анна Петровна Зонтаг. Она издала новое собрание Повестей и сказок для детей. Между ними есть одна ¹⁸ , которой совершенством я был поражен. Читая ее в корректуре, я заливался слезами: так она сильно на меня подействовала. Может быть, много тут действовали и воспоминания. Но мне первые минуты казалось, что это произведение

¹⁷ Здесь и далее ссылки на отзывы П. А. Плетнева приводятся по изданию: Сочинения и переписка П. А. Плетнева: В 3 т. СПб., 1885. В ссылке после текста отзыва указывается номер тома (римской цифрой) и страницы.

¹⁸ Речь идет об «Олиньке и бабушке ее Назарьевне» [Зонтаг 1832: 87–130]. Плетнев угадывает в героях повести А. А. и М. А. Протасовых.

				совершенством своим равняется известной повести: Вильчерский священник или Подарок на новый год...» [Плетнев 1885: III, 519–520].
3.	1834	Библиотека для чтения. 1834 г. Т. 6. Отд. 6. С. 6–7.	«Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, сочиненная Анною Зонтаг, издательницею “Повестей для детей первого и второго возрастов”. Перевода с франц. М. Г.» М., 1834 в тип. М. Пономарева	См. отзыв на «Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных авторов, как то: Бланшарда...» (№4).
4.	1834	Библиотека для чтения. 1834 г. Т. 6. Отд. 6. С. 6–7.	«Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных авторов, как то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, г-жи Зонтаг и многих других. Перев. с франц.» М., 1834. в тип. М. Пономарева ¹⁹	«Мы всегда с удовольствием препоручаем вниманию родителей сочинения, могущия доставить малолетнему их потомству приятное и полезное занятие. Три книжки, которых привели мы здесь заглавия, могут быть смело употреблены ими для этой цели, особенно первая, которая даже переведена хорошо. При двух последних находятся тоже картинки: оне литографированныя и, во второй, довольно изрядныя».
5.	1834	Библиотека для чтения. 1834 г. Т. 7. Отд. 7. С. 7.	«Повести и сказки для детей, Анны Зонтаг,	«Последняя части двух весьма приличных для юношества сочинений. Две первые части “Нового

¹⁹ Рецензент объединяет следующие книги: «Пальмовый лист. Собрание восточных повестей и сказок, перевел с фран. Федор Бобровский» (М., 1834, в Университ. тип.), «Детский рассказчик, или Собрание повестей из лучших иностранных авторов...» (вых. данные в табл.), «Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, сочиненная Анною Зонтаг, издательницею “Повестей для детей первого и второго возрастов”. Перевода с франц. М. Г.» (М., 1834 в тип. Пономарева)

			сочинительницы повестей для детей первого и второго возрастов» СПб., 1834. в тип. А. Смирдина ²⁰	Робинсона” вышли в прошлом году. На предыдущие части Повестей Г-жи Зонтаг и на достоинства их перевода мы уже имели случай обратить внимание родителей в одной из прежних книжек Б. для Ч.».
6.	1835	Молва. 1835. №12 (рец. В. Г. Белинский; цит. по [Белинский 1900: II, 83–84] ²¹)	«Собрание нравоучительных повестей. Соч. Беркена, Кампе, Гизо и г-жи Зонтаг» М., 1835, в тип. М. Пономарева ²²	«Эта книжонка, напечатанная в типографии г. Пономарева на скверной оберточной бумаге, с грамматическими и типографическими ошибками, с пакостными лубочными картинками, есть ужасная клевета на знаменитых детских писателей, из коих якобы переведены в ней разные повести. Более всех оклеветана Гжа <i>Гизо</i> , которой прекрасные детские повести знакомы у нас только одним знающим Французский язык: можно ли поверить, чтобы в этих двух книжонках, обретающихся, впрочем, в одном переплете, хотя и цензурированных разными лицами и посему имеющих разные заглавия, можно ли, говорю я, поверить, чтобы в этих двух книжонках, состоящих

²⁰ Отзыв посвящен книгам: «Новый Робинсон, или Швейцарское семейство, претерпевшее кораблекрушение. Сочинение Висса. С Французскаго издания Г-жи Монтольё, перевод Л... Я...» (СПб., 1834 в тип. III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии), «Повести и сказки для детей, Анны Зонтаг, сочинительницы повестей для детей первого и второго возрастов» (СПб., 1834. в тип. А. Смирдина).

²¹ Здесь ссылка на отзыв В. Г. Белинский приводятся по изданию: Полное собрание сочинений В. Г. Белинского: В 12 т. СПб., 1900–1926. В ссылке после текста отзыва указывается номер тома (римской цифрой) и страницы.

²² Белинский отзывается на конволют «Повестей для детей от пяти до десяти лет. Сочинения г-жи Ренневиль» (М., 1835, в тип. М. Пономарева) и «Собрания повестей. Сочинений Беркена, Кампе, Гизо и г-жи Зонтаг» (М., 1835, в тип. М. Пономарева). Два разных сборника (допущенные к печати разными цензорами) были переплетены вместе.

				<p>из 131 страницы, уместилась хоть одна повесть Гжи <i>Гизо</i>? Можно ли поверить, чтобы <i>Кампе</i> и <i>Беркеня</i> писали не только во сто раз хуже добренькаго и глупенькаго <i>Бульи</i>, но даже и почтеннаго <i>Г. Бориса Федорова</i>? Можно ли, наконец, поверить, чтобы шарлатанство и промышленность толкучаго рынка дошли до такой наглости, до такого безстыдства в обмане родителей, покупающих для своих детей книги? Набрать несколько побасенок, выбранных из старинных детских книженок, изложить их каким-то варварским жаргоном, начинить копеичною моралью, приложить картинки, в сравнении с которыми знаменитое “Погребение Кота” есть художественное произведение, по красоте и изящности отделки – и нагло выдать все это за переводы из лучших Европейских писателей для детей – какова дерзость!» [Белинский 1900 II: 83–84].</p>
7.	1835	Журнал Министерства народного просвещения. 1835 г. Ч. 19. С. 401–403.	«Собрание нравоучительных повестей, соч. Беркеня, Кампе, Гизо и Г-жи Зонтаг. Перевод с Французскаго» М., 1835 г. в тип. М. Пономарева	«Другия, и также неважныя Повести, откуда-то выбранныя для перевода, на один печатный лист, изданы под громким титулом: <i>Собрания нравоучительных Повестей</i> , сочинения Беркеня, Кампе, Гизо (?) и Г-жи Зонтаг. В этой книжке нет и похожего на Беркеня и Кампе, а Г-жу Зонтаг, которая издавала свои прекрасныя Повести по

				<p>Русски и переводила с Немецкого, включили в число иностранных Писательниц! – Под ее же именем в изданы в Москве повести, кем-то переведенные с Французского.— В маленькой Московской книжке, названной <i>Детскою</i>, напрасно будут искать Повестей <i>многих иностранных Авторов</i>, как сказано в заглавии; известная Повесть <i>Голубок</i>, сочинение Шмидта, здесь приписана Г-же Зонтаг» [Журнал Министерства народного просвещения 1835 Ч. 19: 402].</p>
8.	1835	Журнал Министерства народного просвещения. 1835 г. Ч. 19.	<p>«Детская Библиотека, содержащая в себе любопытныя и нравоучительныя повести многих иностранных Авторов, с присовокуплением повети Голубок, сочинения Г-жи Зонтаг. Перевод с Французскаго» М., 1835 г. в тип. М. Пономарева</p>	<p>См. отзыв на «Собрание нравоучительных повестей, соч. Беркена, Кампе, Гизо и Г-жи Зонтаг. Перевод с Французскаго» (№7).</p>

9.	1836	Библиотека для чтения. 1836 г. Т. 14. Отд. 6. ²³	«Блестящий червячок. Нравоучительная повесть для детей. Пер. с французского» М., 1834 г. в тип. М. Пономарева	Н/д.
10.	1836	Библиотека для чтения. 1836 г. Т. 14. Отд. 6. С. 80–83. ²⁴	«Повести для детей Анны Зонтаг издательницы повестей для детей первого и второго возрастов. Перевод с французского М. Г. и И. Г.» М., 1835 г. «Издание книгопродавца Федора Михайловича Исаева» в тип. Н. Степанова	«Станемте опять обозреть детские книги по порядку: о, теперь надеемся не пропустить ни одной! — Книга “Моей малютке” написана “в пользу” воспитания детей: автор весьма основательно предпочитает нравственность юношества правописанию и грамматике Русского языка, “в пользу” которых он, кажется ничего не намерен делать <...>. Книжка написана в православном духе <i>сего</i> и <i>онаго</i> , котораго влияние на образование ума и сердца зело благодетельно и бесценно. — Господа “М. Г. и И. Г. с картинками” не удовольствовались простым переводом прелестных детских повестей Г-жи Зонтаг: они еще их переделали, как только можно переделать, – переделали по-Московски, без пощады, без милосердия. Милостливые государи М. Г. и И. Г. с

²³ Н. А. Бекетова приводит ссылку на эту рецензию. При проверке выяснилось, что в указанном издании отзыва на «Блестящего червячка» нет.

²⁴ Отзыв посвящен книгам: «Детский павильон. Книжка, содержащая в себе черты из Русской Истории, разные повести, разговоры, анекдоты, стихотворения, сказочки и прочая» Б. Федоров (СПб., 1836, в тип. Гинца), «Моей малютке. Книга в пользу воспитания детей» Алекс. Грен (СПб., 1835 в тип. Крыловского), «Повести для детей, Анны Зонтаг, <...>. Перевод с французского М. Г. и И. Г.» (вых. данные в табл.), «Цветы нравственности, собранные из лучших писателей, к назиданию юношества, Михаилом Третьяковым» М. Третьяков (М., 1835, в Ун. типографии), «Русские повести, рассказы и драматические сочинения, для юного возраста» (СПб., 1835, в тип. Вингебера).

				<p>картинками! зачем изволили вы так их переделать? Если б господа М. Г. и И. Г. не были людьми с картинками, мы, право, подумали, что они враги всему изящному! — “Цветы нравственности” растут всюду, но надобно уметь их собирать и сушить. Автор этой флоры, или говоря ботанически, этого <i>hotrus siccus</i>, “сухаго цветника” нравственности, говорит, что “отдельные мнения суть цветы в сочинениях лучших писателей: собирать <i>сии</i> мнения, значит – собирать цветы или, лучше сказать, плоды в ветрограде, насажденном и возвращенном” <...>. Примечательно, что, несмотря на свою сухость, все эти цветы сохранили каждый под искусною рукою Г. Михаила Третьякова свой собственный запах: одни пахнут <i>сим</i>, другие <i>оним</i>, третьи издают упоительное благоухание <i>коего</i>, и так далее. — В “Русских повестях и рассказах для юнаго возраста” есть страницы весьма занимательныя. <...> Эту книгу можно рекомендовать смело отцам семейств: мы желали б однако же более легкости ея слогу».</p>
11.	1837	Библиотека для чтения. 1837 г. Т. 23. С. 58–59.	«Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною	«Русская история Г. Courtener’a – чудная книга! Он нашел средство сжать всю Русскую историю на двух стах пятидесяти страничках и еще включил в нее множество сказок, каковы смерть Олега от коня, сожжение Коростеня голубями, и прочая. Но

			Зонтаг» СПб., 1837. в тип. Э. Праца ²⁵	для этого Г. Courtener принужден был выкинуть из Русской истории много важнейших событий, чем и объясняется все дело. Вся эта история разделена на восемь статей, и в конце приложен перевод фраз и слов на Русский язык. — Напротив, с особенным удовольствием рекомендуем вам попечительным родителям “Священную историю” госпожи Зонтаг. Это именно такая книга, которой не доставало у нас для воспитания, и мы отдаем полную справедливость выбору предметов и умению расположить и рассказывать их понятно, ясно и просто. Двести тридцать восемь отделений представляют полную историю Ветхого и Нового Завета. Сочинительница ввела даже извлечения из поучительных наставлений, какими исполнены оба “Завета”, – мысль превосходная, и исполнение этой мысли совершенно приспособлено к цели книги».
12.	1837	«Литературные Прибавления к Русскому Инвалиду». 1837 г. №41 (9 окт.) С. 403.	«Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Нового Завета Анною Зонтаг» Две части. СПб., 1837, в тип. Э. Праца	«С тем же удовольствием, с каким приветствовали мы новое издание г. Беллизара “Разговоры составленные г-м Ольдекопом”, встречаем и новое издание г. Смирдина “Священную Историю” г-жи Зонтаг. Книгу эту можете смело отнести к тому очень и очень небольшому числу сочинений, которыя должно давать детям. Вспомните, в-

²⁵ Отзыв посвящен книгам: «Histoire de Russie racontée aux enfants, faisant suite au livre de l'enfance, par Theodore Courtener» (М., 1837 в тип. А. Семена), «Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг» (Две части; СПб., 1837. в тип. Э. Праца).

				<p>самом-деле, <i>сколько</i> издано детских книг в нынешнем году, и взгляните потом <i>сколько</i> из них выплыло на поверхность Леты: Только две: <i>Рассказы Парлея</i> и <i>Библейская История г. Красноцветова</i>; прочия погибли – инья с шумом, другие без шума, вместе с памятью их сочинителей.— “Литературные Прибавления” довольно подробно высказали свое мнение об “Истории” г. Красноцветова; рядом с этою прекрасною книгою мы поставим сочинение и г-жи Зонтаг. Просто, ясно, понятно для детского возраста рассказывает она почти все важнейшия события Ветхаго и Новаго Заветов, удалив, кроме весьма немногих глав, все рассуждения, которыя большую-частью утомляют детей, ищущих везде одного расказа. Для восьмилетняго мальчика покажутся скучны рассуждения г. Красноцветова: многое очень важное останется даже непонятным; но этот же самый мальчик в 13 или 14 лет предпочтет сочинение г. Красноцветова книге г-жи Зонтаг. — К числу достоинств этой “Священной Истории” должно отнести прекрасный, большею-частью правильный язык. Представим несколько мест на выдержку, какие попадутся: <...>. — Из этих двух примеров видно, каким прекрасным языком владеет г-жа Зонтаг. — Но так-как</p>
--	--	--	--	--

				сочинение ея верно скоро достигнет второго издания, то мы, желая ему всевозможного успеха, сделаем несколько замечаний касательно некоторых мест книжки, которую всякий с удовольствием даст читать детям. Ошибки в книгах такого рода, как бы ничтожны ни были, должны быть непременно исправляемы. — Начнем с 1-й части <...>. — Встречаются еще некоторыя странныя выражения, на прим. <i>Утеха Израиля</i> , вместо утешения Израиля и т.п.; но мы уверены, что в следующем издании все это будет исправлено. Впрочем и теперь книга г-жи Зонтаг заслуживает полную благодарность всех родителей и воспитателей. Издание книги очень опрятно.
13.	1837	Северная пчела. 1837 г. №177. С. 705–707. (рец. К. Гергард).	«Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Нового Завета Анною Зонтаг» Две части. СПб., 1837, в тип. Э. Праца	«Анна Зонтаг уже известна в литературном мире изданием повестей, важных по чистоте, ясности и простоте слога, а еще больше по своим практическим урокам и действию их на наших маленьких читателей и читательниц. Кому из них не знакомы милые рассказы Г-жи Зонтаг? Кто из них не старался усвоить их в себе? — Радуйтесь, нежные родители и наставники! Эта почтенная сочинительница издала для детей новыя две книжки, в коих рассказала Священную Историю, предмет приятный, полезный и необходимый для развития религиозно-нравственного чувствования.

				<p>Эту Историю выбрала она из Ветхаго и Новаго Заветов, составляющих ту священную книгу, в которой хранятся истины, связующия человека с Богом. — <i>Кто сердца не питал</i> (воскликает В. А. Жуковский), <i>кто не был восхищен / Сей книгой, от небес Евреям вдохновенной!</i> — Из Священной Истории дети извлекут для себя правила жизни и нравственности. Авель (скажем вместе с Святым Григорием) научит их невинности, Енох – чистоте сердца, Ной – постоянству в правосудии, Авраам – совершенному послушаю, Исаак – терпению в трудах, Иаков – забвению обид, Моисей – кротости против строптивых, Иов – непреодолимому терпению посреди несчастий и проч.— Прочитав со вниманием обе части разбираемой нами Истории, состоящей из 233-х глав, мы не можем не отдать преимущества труду Г-жи Зонтаг перед всеми книгами этого рода, доселе изданными для детей. Правильность и чистота языка, краткость, полнота, удобопонятность и занимательность изложения – вот отличительныя свойства ея сочинения. Даже Библейская История, изданная в 1835 и нынешнем годах Симеоном Красноцветовым, должна уступить ей первенство в чистоте языка. “Слог мой”, пишут сам автор в</p>
--	--	--	--	--

				<p>введении: “местами, в простоте своей, едва ли не доходить до неопрятности”». Такое сознание не может служить оправданием писателю, назначающему свое произведение в пользу юношества. Известно, что книги, написанные слогом несовершенным, заражают язык дитяти ошибками и, эта зараза тем ужаснее, что ни время, ни усилия воспитателей не могут (это случается весьма часто) истребить ее. Притом же, язык Г-на Красноцветова не довольно прост и внятен для первого учебного возраста (из введения видно, что автор писать для этого возраста). Поймут ли дети, что значат слова и выражения <i>надмевайтесь умом; скудородие; рай сладости; сердце кипит негодованием; Бог строго взывает с вам каждый вздох, каждую слезу, которая вы выжмете из невинного</i>, и мн. др.— Ученый сочинитель Библейской Истории, надемся, не обидится, если мы откровенно скажем ему, что книга его слишком обильна подробностями, открывающими таинственный смысл слов Св. Писания, и что потому она очень полезна не для детей первого учебного возраста, а для взрослых, чувствующих справедливость и силу <i>его</i> слов.— Г-жа Зонтаг захотела написать Св. Историю для малолетних, и написала точно для них. Сообщая им какуюнибудь</p>
--	--	--	--	---

				<p>главу, она рассказывала не все, что заметила в ней, а много предоставляла самим детям на соображение. Так и должно. Чтобы научить дитя чемунибудь без затруднения и сбивчивости, приводите в действие познавательные силы его духа, заставляйте понимать, сравнивать и судить по летам его и понятиям.— И так, Св. История, изданная Г-жею Зонтаг, заслуживает непристрастную похвалу во всех отношениях.— Желая распространить пользу этой прекрасной книжки, мы осмеливаемся сказать здесь несколько слов и о способе ее употребления, который мы почитаем естественным и, следовательно, лучшим.—Заставьте ученика прочитать главу <i>с чувством, с толком, с разстановкой</i>; потом потребуйте подробного отчета в прочитанном; после этого пусть расскажет вам всю главу в надлежащем порядке и связи, пусть и напишет (если умеет писать порядочно) кратко, прибавив свои замечания и суждения. Если рассказ будет ошибочен, т.е. не свободен от погрешностей против смысла и языка, исправьте и велите снова пересказать прочитанное. Продолжайте повторять одно и то же до тех пор, пока ученик ваш безошибочно не перескажет вам прочитанного. Предлагайте ему также вопросы, которые бы могли</p>
--	--	--	--	---

				<p>возбуждать в нем силы мышления. При этом не спешите своими ответами: пусть он сам придумает их. Видите бессилие ученика и пособите ему новыми вопросами, способными довести его до цели. Старайтесь убедить его в истине ваших слов и убедиться в том, что он совершенно понял вас; никогда не довольствуйтесь его краткими ответами: <i>да</i> или <i>нет</i>. Этот способ основательнее и вернее ознакомит ученика с предметом, и скорее освободит от постороннего руководства, так что он, принявшись за дело без учителя, не будет пугаться своего одиночества.— Для подтверждения сказанного об Истории, выбранной Анною Зонтаг, нам должно было бы выписать несколько прекрасных строк, но пределы Северной Пчелы не позволяют приняться за это. Ограничимся благодарностью трудолюбивой сочинительнице за приятный и полезный подарок Русской Словесности и детям. Сердечно желаем, чтобы все, занимающиеся религиозно-нравственным воспитанием нашего юношества, обратили внимание на столь превосходную книгу, и, заменив ею устаревшие и не детские, при помощи изложенной методы, объяснили детям примеры добродетелей и пороков, мудрости и безразсудства. Ничто не имеет столь</p>
--	--	--	--	--

				<p>благодетльного влияния на ум и сердце читателей, как примеры, ясно и занимательно изложенные, примеры, почерпнутые из источника чистаго, святого, истиннаго».</p>
14.	1839	Библиотека для чтения. 1839 г. Т. 33, отд. 6. С. 31–35.	«Видение Мирзы. Восточная повесть» (в «Одесском альманахе на 1839 г.») Одесса, 1839., в Городской типографии	<p>«Благотворительная цель, с какою предпринято издание этой красивой книжки, уже страшно расположила было нас к снисходительности в отношении к статьям, из которых она составлена, когда прочитав все, мы с удовольствием увидели, что вовсе ненужно разоряться на снисходительность для представления “Одесскаго альманаха” в выгодном виде нашим читателям, и что довольно быть справедливым.— Первое место, по своему положению в альманахе и по самому содержанию, занимает статья Г. Надеждина, “Светлейший Князь Потемкин-Таврический, образователь Новороссийскаго края”. В ней представлена жизнь и дела покорителя Крыма; но можно сожалеть, что автор, вместо биографии этого знаменитаго человека, написал только панегирик. — “Верный выигрыш”, В. А. Владиславлева, есть один из тех милых, непринужденных рассказов, которые, не оставляя ни какого впечатления ни в уме ни в сердце, читаются легко и еще легче забываются. Н. И. Греч прислал в альманах историю несчастной</p>

				<p>энтузиастки Шарлотты Штиглиц, о трагической кончине которой мы в свое время рассказывали нашим читателям. Эта статья альманаха представляет ту особенную занимательность, что втор лично был знаком с госпожей Штиглиц и с ее мужем.— В. В. Григорьев написал очерк персидской поэзии до Фирдоуси и назвал свою статью “Фирдоуси, довершитель возрождения национальной поэзии в Персии”: в его статье есть много преувеличений, в которых впрочем автор не виноват, потому что он только усвоил себе идеи некоторых ориенталистов, более энтузиастов нежели судей дела.— “Жизно в Одессе”, Г. Зеленецкого, есть бесспорно, одна из самых интересных статей альманаха; особенно будет она занимательна для тех, которые собираются ехать на постоянное житье в эту красивую столицу новороссийских степей. К статье Г. Зеленецкого служат дополнением “Еще слова два о жизни в Одессе”, Г. Маркевича. — “Очерк южного берега Крыма”, неизвестного, весьма богат географическими и топографическими сведениями; здесь автор, не пускаясь в многоречивые описания в роде впечатлений, дружески одит читателя за руку по юному берегу Тавриды и рассказывает все, что знает, <i>излагает</i></p>
--	--	--	--	---

			<p><i>дело</i> без поддельных восторгов. – “Как добры люди!” Г. Панаева, за исключением некоторых достоинств рассказа, решительно ниже прежних произведений этого писателя, которые случалось нам читать. Автор, сарказмическим восклицательным кинжалом, вонженным сейчас в заглавие пьесы, уже на первой странице поразил людей в самое сердце за их злость; и надобно признаться, что люди заслуживали этого колкаго удара, единственного впрочем в целом рассказе: люди должны быть ужасно злы, когда уже и автор этой статьи считает себя в праве жаловаться на их недоброжелательство, он, который не обидел их своею славой, не унизил своим талантом, не смутил их эгоистического спокойствия жаром своих чувствований или убеждений.– Очень хороши “Апологи” профессора А. В. Никитенко; то же должно сказать о восточной повести или, лучше, апологе госпожи Зонтаг, хотя ее аполог был уже пересказан несколько раз до рождества нашего на свет.– “Четыре страницы одесской летописи”, Г. Скальковского, “Воспоминание о Колхиде”, Г. Андреевского, “Русская Альгамбра”, Г. Надеждина, и “Нечто о влиянии женскаго пола на сохранение в роде человеческого священных преданий и спасительных истин”, Г. Стурдзы,</p>
--	--	--	--

				<p>имеют тоже свою цену.— “Голос Русского из Ревеля”, чуть слышный, обещает нам издание “Путеводителя по Ревелю и его окрестностям”, хотя уже существует на французском и немецком языках прекрасный путеводитель по Ревелю, написанный одним пастором. Самое последнее место занимает “Так, ничего, в роде повести”, прискорбный <i>larsus calami</i>, описывающий так, от нечего делать, каким образом два старика, провинциальные чиновники, поссорились между собою за <i>сей</i> и <i>этом</i>, и как ссора эта разрушила-было счастье их сына и дочери, которые готовы уже были вступить в “законное супружество”. “Так, ничего” есть единственная прозаическая статья “Одесского альманаха”, так, без всякого достоинства.— Стихотворные перлы альманаха суть две пьесы А. И. Подолинского, “Мелодия” и “Новый путь”, элегия Н. В. Кукольника, две пьесы В. Г. Бенедиктова, “Порыв” и “В альбом”, одна А. П. Глинки, “Идеалы” (из Шиллера), и две В. Д. Макшеевой, “Поэту” и “Всегда я любила”. Желая поделиться удовольствием с нашими читателями, мы выписываем, во-первых, “Порыв”, Бенедиктова: <...>. Во-вторых, “Мелодию” Подолинского: <...>. — Нам очень хотелось бы привести еще прелестную пиеску</p>
--	--	--	--	--

			<p>И. В. Кукольчика, но мы совестимся обрывать самые свежие и пахучие цветки стихотворного венка альманаха, который в одной уже цели своего издания, должен найти покупателей и читателей во всех людях благотворительных. Кроме исчисленных стихотворений, замечательны еще “Камень” Бернета, “Часомер”, Ф. Н. Глинки, “Молитва”, Губера, “Несчастливцу”, Якубовича, и “Истинный Художник”, Степанова. Прочия стихотворения, заключающиеся в альманахе, принадлежат Нн. Головачову, Гребенке, Григорьеву, Деларю, Дымчевичу, Зеленецкому, Кирилову, Максимовичу, князю А. В. Мещерскаому, Ободовскому, <незабр.>-ву (В. И.), Протопопову, Раичу, Соколовскому, Струйскому, Чистякову, и одному неизвестному. Вообще можно сказать, что стихотворный отдел альманаха, если не превосходит прозаического своими достоинствами, то и ни сколько не уступает ему.— Из трех картинок, гравированных в Вене, лучшая по мнению нашему, та, которая изображает вид Одессы, взятый со стороны моря от возвышения, лежащая за зданием таможни. К статье “Очерк южного берега Крыма” приложена карта, на которой означены места, описанные в статье.</p>
--	--	--	--

15.	1839	Отчет о восьмом присуждении Демидовских премий // Журнал Министерства народного просвещения. 1839 г. №10 (Октябрь), Отд. 3. С. 39–40. (рец. протоирей И. С. Кочетов)	«Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Нового Завета Анною Зонтаг»	«В отзыве профессора при С. Петербургской Духовной Академии, Протоирея <i>Кочетова</i> , о Священной Истории для детей выбранной из Ветхаго и Нового Завета Анною Зонтаг,— Рецензент вообще одобряет намерение и исполнение Сочинительницы, хвалит дух, в котором книга ея написана, расположение предметов и слог, приспособленный к уму и понятиям юных читателей, которых она имела в виду при составлении своей книги; но указывает и на многие места, требующие осмотрительного исправления. По мнению его, Г-жа <i>Зонтаг</i> заслуживает похвалу и поощрение, но на получение награды <Демидовской премии. – А. Б.> не может иметь притязания».
16.	1842	Современник (рец. П. А. Плетнева, цит. по: [Плетнев: II, 341]).	«Три комедии для детей. Сочинение Анны Зонтаг»	«Немного у нас писательниц, которые бы, в своей сфере так понимали и исполняли литературные обязанности, как г-жа Зонтаг. Ей одолжены дети почти целой библиотекой для чтения в первом и втором возрасте. Новое сочинение ее отличается опять прекрасным содержанием и – что всего важнее – живым, увлекательным изложением, чего без решительного таланта ничем не достигнешь. Книги подобного достоинства навсегда остаются украшением и неизменным сокровищем всякой библиотеки. Нет нужды говорить, что в каждом

				семействе с нетерпением ждут появления новых сочинений таких писательниц, каковы: г-жа Зонтаг или девица Ишимова».
17.	1842	Москвитянин 1842. №3. С. 182. (рец. С. П. Шевырёва). ²⁶		«Особенно благодарны мы писательницам, посвятившим перо свое книгам для воспитания детей. До них редкие понимали у нас язык, каким надобно говорить с детьми. Какой мужчина переймет женскую прелесть слога Г-жи <i>Ишимовой</i> в ее рассказах из Русской Истории? Многими эстетическими впечатлениями обязано будет настоящее поколение детей грациозному перу ее. Много прекрасных плодов ожидаем мы от него впоследствии. – Г-жа <i>Зонтаг</i> применила изящный слог Карамзина и Жуковского к понятию маленьких читателей и, можно сказать, классически образовала детские слог: нам случалось слышать, как правильно и стройно выражаются шестилетняя дети, читавшая ее Священную Историю. – Теплою набожного чувства согрета проза Г-жи <i>Глинки</i> , прекрасно владеющей и стихом: от автора жизни Божией Матери мы в праве ожидать легендария святых женщин, чтимых нашею првославною Церковию,

²⁶ Приведенная цитата – часть большой статьи С. П. Шевырёва «Взгляд на современную русскую литературу. Статья вторая. Сторона светлая (состояние русского языка и слога)», занимающей весь раздел «Критика» в указанном номере «Москвитянина».

				особенно Русских или тех, предания о которых известнее нашему народу».
18.	1842	Отечественные записки 1842. Т. 20. Отд. 6. С. 78.	«Три комедии для детей. Сочинение Анны Зонтаг». СПб., 1842. в тип. Штаба военно-учебных заведений ²⁷	«“Три комедии” были бы довольно годны для детей первого возраста, если бы подвиги добродетели не были в них пересахарены до приторности, и если бы они были правдоподобнее, вернее действительности. “Детский Театр” состоит из переводов из “Veillées de Famille”, хорошо сделанных; выбор тоже не дурен. “Мери Сеймур” – д даже очень хорошенькая пьеска для детей. Неизвестный переводчик обещает продолжать свой труд: доброе дело!».
19.	1843	Современник (рец. Плетнева, цит. по: [Плетнев: II, 377–379]).	«Библиотека для воспитания. Часть I. Отделение второе»	«Рассматривая это заглавие, мы долго не понимали, какого рода издание напечатается под именем <i>Библиотеки для воспитания</i> : журнал это, или книга в собственном смысле? Наконец, обернув книжку, увидели следующее объяснение: “Библиотека для воспитания в 1843 году будет выходить в 6-ти томах”. Это уже верх загадочности. Если она действительно в каждый раз появления своего должна по смыслу публикации выходить в шести томах, отчего же с первого разу вышла только в одном томике? Если же во весь год напечатают ее

²⁷ Отзыв посвящен книгам: «Три комедии для детей, сочинение Анны Зонтаг» (СПб., 1842. в тип. Штаба военно-учебных заведений), «Детский театр. I. Ветренник. II. Мери Сеймур» (СПб., 1842. в тип. А. Бородина и Ко). «Детский театр...» – предположительно, перевод сборника Альфонса Баллейды «Veillées de Famille».

				<p>только шесть томов, зачем так и не сказать? Оставив разыскания наши касательно выхода книжек, мы занялись разбором пьес, помещенных в той, которая была перед нами. Тут мы убедились, что вся бессмыслица публикации произошла от простой причины и очень обыкновенной теперь у нас в литературе: это книгопродавческая спекуляция – следовательно издание не литературное. В виде <i>казоваго</i> конца помещена здесь на 13-ти страничках пьеса г-жи Зонтаг: <i>Сказка в виде альманаха</i>, пьеса аллегорическая, из которой детям ничего не понять; да если и растолковать им то для их возраста нет тут никакого приобретения. Далее идут школьнические переводы самых пустых давно забытых сказок: <i>Караван, повесть о Калифе Амете</i> <вероятно, в собрании сочинений опечатка. У Зонтаг – «Повесть о Калифе Аисте». – А. Б.>, <i>о мертвецах мореплавателях, об отрубленной руке, о спасении Фатьмы, происхождение маленького Мука, о ложном принце, рассказ Орбассана</i>. В заключение помещен (верно в образец негодных переводов) перевод из Нибура о греческих героях, где даже в заглавие вкралась бессмыслица: <i>История греческих героев</i>, рассказанная Нибуром своему сыну. В этих рассказах, вот например какие</p>
--	--	--	--	---

				<p>любопытная и приуроченная к детским понятиям изображения представляются: “Инона, вторая жена Атамаса, была очень злая мачиха. Ей вздумалось принести в жертву маленького Фрикса, ее пасынка. Когда его поднесли к олтарию, то вдруг явился прекрасный, большой овен: на нем была золотая волна и он умел бегать по облакам. Бог Гермас, который прислал этого овна, посадил на него Фрикса и сестру его Геллу, и велел им идти по воздуху в страну, называемую Колхидою. Овен знал дорогу. Дети держались одною рукою крепко за рога его, а другою обнявшись друг за друга (<i>верно у них обоих только было две руки</i>). Но Гелла оттянула руку и упала в море. Фрикс горько плакал о смерти бедной сестры своей, однако держался крепко, ехал далее и приехал в Колхиду. Там принес он в жертву овна (<i>из мщения за сестру, или в благодарность за услугу, ему оказанную?</i>), а золотое руно его прибил к большому дубу”. И это взято из самого первого рассказа. Нет ни объяснений, ни введения. Назначив такую сказку для чтения самим детям, думал ли о чем-нибудь издатель? Если бы злоупотребление печати не касалось области воспитания, мы не стали бы и говорить об этой книге. Много подобной ей ежедневно выходит в обеих наших столицах для</p>
--	--	--	--	---

				забавы праздности и невежества. Но <i>книги для детей</i> не должны быть выдаваемы единственно для видов коммерческих. Все доброе и похвальное по этой части заслуживает общественную признательность; а все недостойное внимание – общественное отвержение».
20.	1844	Современник. 1844 г. Т. 33. С. 333.	«Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг» СПб., 1844. в тип. Иогансона	«Имя сочинительницы так известно, ее издания для детей столько уже принесли пользы, что распространяться о достоинстве новых ее повестей мы считаем за излишнее. Одно удивляет нас, что в новом издании мы не встретили той исправности печатания, которую всегда отличались книги г-жи Зонтаг. Это заставляет нас думать, что она не принимала участия в этих повестях как издательница».
21.	1844	Москвитянин. 1844 г. Ч. I., №2. Отд. 4. С. 570–572.	«Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг» СПб., 1844, в тип. Иогансона	«В настоящее время нельзя пожаловаться на недостаток детских книг. Количество сочинений, писанных для детей и детски написанных, очень велико: в числе первых, благодаря Провидению, мы уже можем насчитать до десятка хороших. О последних не будем говорить. Это особый род словесности.— Читателям известно уже мнение Москвитянина о произведениях Г-жи Зонтаг. Теперь она дарит детей еще семью повестями, хотя они и не все новы (рассказ о волшебном светильнике с двенадцатью ветвями давным-

				<p>давно читали мы в немецких хрестоматиях и даже, в форме драматического рассказа, года два тому назад в Сыне Отечества), и, за исключением двух повестей о браслетах, – не сочинены г-жею Зонтаг, а, как можно судить по сказанному нами выше, по находящимся под повестью словам: <i>не расточай, чтобы не нуждаться, перевод. С Англ.</i>; по Французским именам действующих лиц в первой повести: <i>Опрокинутая карета</i>, и по самому месту действия, переведены ею; тем не менее прочтутся детьми с удовольствием и не без пользы. Слог хорош и выбор повестей удачен, за исключением рассказа или анекдота о <i>Наказанной скупости</i>. Книга ничего бы не потеряла, если бы в ней не было повествования, на четырех страничках, о том, как монгольский император Нурчехан, дал какому то горшечнику, за прилежание и набожность, право навязывать каждому, проходящему мимо лавки его, придворному по горшку за ту цену, какую горшечник потребует; как этот горшечник заставлял однажды скупаго визиря заплатить ему цехин за горшок; как, когда тот не хотел дать ему этой цены, с помощью стражи, которой велено было наблюдать за исполнением</p>
--	--	--	--	---

				<p>придворными требований его, горшечник сел на плеча визиря и, повесив на шею его горшок, представл таким образом к Императору, и обвинил визиря в скупости, вовлекшей его в разныя несправедливости. Обвинения подтвердились, и визирь лишен своего места.— Не знаем, возбудил ли этот рассказ в детях какую-нибудь нравственную мысль. Мы же, прочтя его, подумали, что главное достоинство дурной повести – краткость. Издание опрятно, Картинки, типографированныя у И. Селезнева, нельзя назвать хорошими. Вообще, в отношении к картинками, детским книгам, можно, даже должно, пожелать усовершенствования.— Вот хоть в <i>дедушкиных сказках</i> – сорок картинок; заглавный листок уверяет, что рисунки Адольфа Меню, Виктора Адама и еще десятка других заморских рисовальщиков, или, как говорит оглавление, живописцев; это однако не мешает им, т.е. картинкам, быть далеко не удовлетворительными. По внимательном разсмотрении, мы убедились, что рисунки Адольфа Меню и др. были при Французском издании, картинки же Русскаго издания произведение литографии В. В. Логинова. Заглавный лист и оглавление приписывают их Французским</p>
--	--	--	--	--

				художникам потому, что так было написано в оригинале. Это свидетельствует о верности перевода, который впрочем хорош, хорош изредка и попадаются фразы в роде следующей (стр. 51):— “Все мы, сколько нас ни есть, едва может усматривать даже то, что перед глазами у нас происходит; а потому безрасудно воображать, что бы человек, создание столь ограниченное, мог в самом деле предсказать, что случится завтра, через неделю через несколько лет!”— Из сорока повестей, составляющих книгу, нам особенно нравятся имеющая историческую основу. Такие повести способствуют знакомству детей с Историею, и пробуждают в них желание ближе узнать лица и происшествия, которыя встречались им в повестях.— Издание красиво».
22.	1844**	Москвитянин. 1844 г. №3–4. С. 78.	«Письмо к редактору» ²⁸	«В последнем номере Москвитянина я читала рецензию на вновь вышедшую книгу под заглавием: Новья повести для детей, соч. Анны Зонтаг. Детская книжка, перевод или сочинение, как скоро она полезна детям, достигает своей цели, не принося автору славы литературной, о которой я не должна была и не смела мечтать. Я писала и переводила для дочери, и печатала написанной или

²⁸ «Письмо к редактору» – ответ Зонтаг на критику во втором номере Москвитянина. Считаю уместным помещение его в таблицу, поскольку он связан с рецензиями на «Новые повести для детей» и завершает собой сюжет с ними.

				<p>переведенное – только потому, что эти книги могли быть полезны и другим детям. Теперь хочу оправдать не авторское, но <i>честное</i> мое имя. Ссылаюсь на всех моих знакомых: я никогда не присвоивала себе ничего чужаго, и теперь, под конец моей жизни, меньше, нежели когда либо, хочу помрачить мою совесть. И смешно было бы вздумать обмануть Публику, представляя ей известныя повести за мои собственныя! Напечатанная теперь книга была продана мною десять лет тому назад Г-ну Смирдину, как <i>переводы</i>, а не <i>сочинения</i>. Эти повести и тогда не были новы, но еще не были никем переведены. В течении же десятилетияго своего пребывания в архивах Г-на Смирдина, оне так одряхлели, что я совершенно забыла о их существовании, и очень удивилась, увидя книгу, появившуюся под моим именем и напечатанную Г-м Иогансоном, с которым никогда я не имела никакого сношения!».</p>
--	--	--	--	---

23.	1844	Отечественные записки. 1844 г. Т. 32. Отд. 6. (рец. В. Г. Белинского, цит. по: [Белинский 1955: VIII, 118–121] ²⁹ ³⁰).	«Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг» СПб., 1844. в тип. Иогансона	«Какое богатство детских книг! Вдруг целых девять! Но не радуйтесь заранее: исключая каких-нибудь двух книг, всё остальное – печатная бумага, не больше.— “Друг детей” есть перевод немецкой книги “Der Deutsche Kinderfreund, ein Lesebuch für Volksschulen”, т.е. “Немецкий друг детей, книга для народных школ”. Автор ее – Вильмсен. Она напечатана в 1841 году <i>сто шестьдесят третьим</i> изданием. Это род хрестоматии для чтения детей. Цель ее – развитие мысленной способности в детях через постепенное восхождение от легких к более трудным понятиям, изложенным в сообразной с ними форме. Цель эта достигается, благодаря хорошему составлению книги. Г-н Максимович, инспектор казенных училищ Санкт-Петербургского учебного округа, частью перевел, частью переделал книгу Вильмсена, сделав ее таким образом удобную для чтения русских детей. Перевод его одобрен Министерством народного
-----	------	---	---	--

²⁹ Рецензия приводится по изданию: Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959. В библиографии позиция также указывается.

³⁰ Отзыв посвящен книгам: «Друг детей, книга для первоначального чтения (Изд. 4-е)» (СПб., 1844., в тип. императорской Академии наук), «Прогулка с детьми по земному шару (Изд. 3-е)» В. Бурьянов (СПб., 1844., в тип. В. Соломона), «Записки Петра Ивановича, собранные и украшенные 100 картинками П. Фурманом» (СПб., 1843., в тип. К. Жернакова), «Священная история в разговорах для маленьких детей» А. О. Ишимова (СПб., 1843., в тип. императорской Академии наук), «Новые повести для детей» А. П. Зонтаг (СПб., 1844., в тип. Иогансона), «Русские сказки для детей, рассказанные нянюшкою Авдотьей Степановою Черепьевою» Е. А. Авдеева (СПб., 1844., в тип. Ильи Глазунова и Ко), «Елка, альманах для детей на 1844 год» (СПб., 1844., в тип. Карла Крайя), «Золотые цветки, или Собрание басен, мыслей и других мелких стихотворений» (СПб., 1844., <типография не указана>), «Книга Хамелеон. Забавная фокусная игрушка для детей» (<б.м.>, 1843., <типография не указана>).

				<p>просвещения для употребления в подведомственных ему учебных заведениях, и с 1839 года книга г. Максимовича достигла теперь четвертого издания. Всё это неоспоримые факты в ее пользу.— “Прогулка с детьми по земному шару”, без всякого сомнения, была бы прекрасною книгою, если бы она была прекрасно составлена: истина неоспоримая! Но, к несчастью, эта “прогулка” сделана чересчур налегке и с крайнею поспешностию, без всякой оглядки. Так, например, во Франции г. Бурьянов проглядел город <i>Лион</i>, т.е. “слона-то и не приметил”; а о некоторых местах наскзал таких чудес, что ничего не поймешь; например, что это такое: “Мы еще не были в Новых Афинах, улице (в Париже), обстроенной в греческом вкусе, и где дома имеют формы греческих храмов; девятьсот тысяч жителей толпятся здесь в грязи и дышат вредным воздухом” (стр. 273)? В улице – Новые Афины толпятся 900 000 жителей в грязи! Большая же улица! Должно быть, верст в пятьдесят, если еще не длиннее! <i>Оксфордский</i> университет назван прекраснейшим в мире (стр. 247), – а всем известна красота схоластических английских университетов! В описании русских мужичков сочинитель до того увлекся идиллическою поэзию,</p>
--	--	--	--	---

				<p>что наговорил ужасных вещей. Например:— Говоря об обеде, я вспомнил, что уж полдень, мужичок и его жена просят нас, с свойственным им радушием и гостеприимством, хлеба-соли у них откусать. Стол накрыт чистою скатертью; за неимением стульев сядем на скамьи; вот готовят жирные блины, какие славные щи, какая кулебяка с рыбой и капустой, какая вкусная гречневая каша в горшке: она пышет паром; <i>мы наложим себе ее много</i> на деревянные тарелки и будем есть деревянными ложками вместе с прекрасным топленным маслом; только что кончили, вам подают жареного поросенка, начиненного кашею, а потом преогромную баклагу с простоквашею и тарелку с творогом; хозяйская дочка набрала в своем садике крыжовнику, малины и смородины и потчует нас; нельзя отказать то этого сельского десерта; в другой раз нас потчуют ботвиньей, окрошкой и пшенной кашицей, а вместо десерта дадут стручков. Нам хочется пить: что может быть лучше здорового квасу с мятой? прелесть! Мужички наши в праздники пьют пиво и хлебное вино, иногда и мед, а сбитень вместо чаю, перед которым он имеет то преимущество, что не ослабляет желудка, как этот настой из китайской ароматной травки. (ч. I, стр. 83–84).— Описанные г. Бурьяновым крестьяне</p>
--	--	--	--	---

				<p>так же точно похожи на настоящих крестьян, как театральные крестьянки в корсетах похожи на деревенских баб и девок. Настоящая Швейцария! И садик есть, и красавица хозяйская дочка нарвала своими нежными пальчиками крыжовнику, малины и смородины и потчует вас – как тут отказаться? Кушайте во здравие! И стол накрыт чистою скатертью... Говоря слогом почмейстера в “Мертвых душах” – в некотором роде, сударь ты мой, так сказать – Швейцария да и только! Доказательство этого – на 186 странице этой книжки, в статье о Швейцарии:— Пойдемте мимо, и всё семейство встанет, даже сам отец, почтенный старик, снимет шляпу, подойдет к вам и попросит разделить их скромный обед, взойдите: везде царствует чистота; белый, как нагорный снег, еловый стол приглашает вас к себе: вокруг стола в порядке кринки со вкусным молоком; всё это придает аппетит. Молодая крестьянка подходит к вам. Черненький корсет обхватывает тонкий стан, из-под красной юбки выглядывает маленькая ножка, и соломенная шляпка, щегольски надетая, скрывает темнокаштановые волосы; а глазки как у галки, и щечки, как розанчики. Что за живой, веселый вид! Кожа на руках у швейцарки груба, но всегда чисто содержана; вот она накрыла стол</p>
--	--	--	--	---

				<p>белую скатертью и потчует нас прекрасными сливками, земляникою и свежим маслом.— Не правда ли – точь-в-точь как у нас?.. На 80 странице г. Бурьянов говорит: “С простым топором русский (мужик) сделает несравненно более, чем немцы с своими замысловатыми инструментами”. Именно так – что и говорить! Куда дуракам-немцам до нашего мужика! Дайте ему кусок мрамора, он вас сейчас сделать из него топором и скобелью статую получше Аполлона Бельведерского или Венеры Медичейской, которые хоть и славятся в мире, как диво искусства, а если посмотреть – так что! просто дрянь, немецкая работа! Всякий русский мужик лучше сделает! Вы правы, г. Виктор Бурьянов! Ваша книжка сделана тоже топором и скобелью, а ведь куда хороша, куда лучше всех немецких книг!—Варварский язык, бездна опечаток, серое, неопрятное издание – вот качество “Прогулки с детьми по земному шару”.— “Записки Петра Ивановича” – очень недурная книжка для чтения детей. Только ее надо читать, пропустив первую главу, которая называется “Несколько слов вместо предисловия” и в которой не только дети, но и взрослые ровно ничего не поймут. Повесть явно переделана из какой-нибудь иностранной книжки и переделана недурно, а предисловие сочинено явно</p>
--	--	--	--	--

			<p>самим г. Фурманом. Картинки очень милы, и в типографском отношении книжка прекрасна.— “Новые повести для детей” г-жи Зонтаг были бы недурны, если бы написаны были порядочным русским языком.— Что касается до “Русских сказок для детей”, изданных какой-то нянькою, — мы не советуем ее давать детям в руки, так же как не советуем позволять детям слушать всякие рассказы нянек о домовых, леших и тому подобных вздорах, которыми только засоряют понятие и запугивают воображение детей.—“Елка” недурно издана и хороша, как игрушка. Пусть дети играют ею, но с условием, чтоб отнюдь не читать ее.—“Золотые цветки” состоят из двенадцати недурных картинок и из разных стихов, плохих и хороших, набранных из плохих и хороших писателей и перепечатанных безграмотно.—“Книга Хамелеон” — удивительная книга. Переворачиваете страницу и видите изображение трефового и бубнового туза, далее — русский и французский алфавит, потом две плохие литографии, изображающие весну и лето; затем — туза пик и червей; потом опять русскую азбуку, а за нею — таблицу умножения; за таблицей — две плохие литографии, изображающие зиму и осень; потом всё это же самое повторяется, в таком же порядке, раза три или четыре. Если эту книжку</p>
--	--	--	---

				непрерывно было нужно назвать именем какого-нибудь животного, то все бы лучше: “Кинга Осел”, вместо “Книга Хамелеон”».
24.	1844	Современник. 1844 г. Т. 33 ³¹ .	«Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг». СПб., 1844. В тип. Иогансона	Н/д.
25.	1844	Северная пчела. 1844 г. №25 С. 29 (рецензент под криптонимом Z. Z., вероятно, Н. А. Полевой [Масанов: III, 344] ³²) ³³ .	«Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг». СПб., 1844. в тип. Иогансона	«К числу детских книг, которые смело можете дать вашим детям надобно причислить и новыя повести Г-жи Зонтаг. В них, правда, новаго не много, но оне хорошо приурочены к детским понятиям, и писаны чистым Русским языком, а это не безделка.— Другая книжка – золотая для детей и даже не для детей, конечно, не в столице, где не успеваеете вы перенаслаждаться всеми общественными увеселениями, где дома вам даже недосуг повеселиться, и где однообразные танцы и карты убили все другия забавы и увеселения. Но для тех семейств, которым бал составляет сюрприз и подарок, которая собираются не только, чтоб сидеть за зеленым столом, или расхаживать в кадрили, для общества в деревне, для общества без

³¹ Н. А. Бекетова приводит ссылку на эту рецензию. При проверке выяснилось, что в указанном издании отзыва на «Новые повести» нет.

³² Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960.

³³ Отзыв посвящен книгам: «Новые повести для детей. Сочинение Анны Зонтаг» (СПб., 1844 г. в тип. Иогансона), «Игры для всех возрастов» (Две части, СПб., 1844 г. в тип. Военно-Учебных заведений).

				<p>претензий – книжка, о которой мы говорим, безценна. Собиратель ее воспользовался Французскими и Немецкими книжками, где описаны общественные игры, и прибавил к ним Русския игры. Это целая энциклопедия телесных и умственных забав, от свайки и мячика до шарад в действии, загадок и каламбуров, от жмурок и <i>сижу посижу</i>, до скороговорок и Je vous vends ma velle de Rome. К книжке приложено до 50-ти изображений игр и игрушку. Право, мы от души желаем ей более покупателей, ибо уверены, что многим напомнит она <i>былое</i>, старое, доброе время, когда не стыдились бегать в горелках и разыгрывать фанты, а для многих из новаго поколения будет приятною <i>новостью</i>. Поверьте, любезное молодое поколение, что не вовсе же глупы были ваши старики и не совсем пошлы были их общественныя игры! Будьте угрюмыми философами где угодно, только не в обществе, куда собираетесь вы веселиться, и где не знаете, куда деваться от смертельной скуки. Одною из старинных любимых песен бывала песня:— Кто всегда грустит, вздыхает, / Смотрит мрачным Сентярем, / Тот науки жить не знает. / И не видит света днем.— Стихи не затейливы, а правдивы. Царь Алексей Михайлович подписал на Уставе</p>
--	--	--	--	---

				Соколиной охоты: “Делу время и потехе час”. <i>Хандры</i> тогда не знали, и ведали только <i>дело</i> и <i>потеху</i> . Теперь иногда бывает на изнанку: дела не делают, а потеху заменяют хандрой. Выигрыш не велик»
26.	1844	Отечественные записки. 1844 г. Т. 33. Отд. 6. С. 82 ³⁴ .	«Библиотека для воспитания. Отделение первое, часть II» М., 1843., в тип. А. Семена	«В этой книжке издатели “Библиотеки для Воспитания” дают нам окончание прекрасного сочинения мисс Эджворт. Мы уже имели случай говорить читателям об этом сочинении; последняя его половина еще более подтверждает то мнение, которое мы сказали о нем прежде. Без всяких теорий и умозрений, основываясь единственно на своем многолетнем опыте, госпожа Эджворт продолжает здесь свои умные замечания о разных предметах воспитания и образования, поставляя всегда главным долгом последовательное и непринужденное развитие способностей в воспитанниках. Взгляд ее на предмет ясен, метода проста; но что придает книге ее особенную цену – это богатый запас собственных ее наблюдений, которых она с таким искусством умеет прилагать к делу. Не со всеми, конечно, можно соглашаться, иному даже прямо можно противоречить, но вообще нельзя не признать в авторе большого

³⁴ Возможно, перевод, на который приводится рецензия, не был выполнен А. П. Зонтаг!

				знатока своего дела. Лучшими главами в этом сочинении мы считает те, где сочинительница рассуждает о самых способностях – воображении, памяти, разсудке и проч. Советы г-жи Эджворт весьма могут пригодиться воспитателям юношества».
27.	1844	Отечественные записки. 1844 г. Т. 33. Отд. 6. С. 82.	«Сказка в виде альманаха на Светлое воскресенье 1844 года А. П. Зонтаг (из Гауфа)» М., 1844., в тип. А. Семена	«Мы с удовольствием читали эту сказку в “Библиотеке для воспитания”, издаваемой г. Семеном, и теперь с таким же удовольствием прочли ее особо-отпечатанную. Прекрасный подарок детям на светлое воскресенье! особенно понравятся им приключения маленького Мука. Говорим это не увлекаясь ни известным именем автора, ни известным именем переводчицы, которой дети много обязаны; говорим, увлекаясь достоинством самого сочинения, действительно интересного. При этом случае, передадим читателям замечание редакции “Библиотеки для воспитания”, что “произведения А. П. Зонтаг, сочинительницы Священной истории для детей, следует всегда отличать от детских книжонок, нередко изготовляемых под названием <i>перевода с сочинений г-жи Зонтаг</i> : другой г-жи Зонтаг, пишущей для детей на другом языке, кроме русского, нет и никогда не было”».

28.	1845	Отечественные записки. 1845 г. Т. 40. Отд. 6. С. 39.	«Священная история для детей, выбранная из ветхаго и новаго завета Анною Зонтаг. Две части. Издание четвертое» СПб., 1845., в тип. военно-учебных заведений	«О достоинстве этой книги говорить нечего: она признана всеми, чему лучшим доказательством служит ее <i>четвертое</i> издание. Напечатана эта книга изящно, хотя и без картинок. До сих пор у нас нет книги, из которой дети так легко и скоро могли бы научиться священной истории, как книга г-жи Зонтаг».
29.	1849*	А. П. Елагина в письме к М. П. Погодину (цит. по: [Барсуков: X, 187–188]) ³⁵ .		«Статью о Жуковском прислала не я, а знаменитая писательница для детей Анна Зонтаг, которая и обладает Мишенским. Досадно мне, что вы приняли это за мой слог, я писала бы серьезнее: Жуковский стоит того.– Дом батюшки Петра Николаевича был в Мертвом переулке у Успенья на Могильцах и продан сестрою Анною Муханову Алексею Ильичу, которому и принадлежит доселе. Много, многое об моем Жуковском хорошо бы рассказать вам, но мы дождемся его, и тогда, конечно, лучше можно написать его биографию с его позволения. А он в мае будет в Россию, в июне, может быть, в Москве. Не сетуйте на разногласие в действиях; без единомыслия не может быть согласия, а ведь мы для того должны <i>возлюбить друг друга</i> . Где же это взять... Жуковский в Университетском Пансионе был дружен с

³⁵ Письмо А. П. Елагиной приводится по изданию: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина: В 22 т. СПб., 1888–1890. В библиографии позиция также указывается.

				<p>Тургеневым и знаком с отцом их; когда поехал в 1815 году в Петербург, то его там знали по его посланию к Императору Александру, и тотчас Тургенев и Блудов представили Государыне Марии Федоровне. У меня есть о том письмо его. Карамзин женат был прежде на Протасовой и потому знаком со всем нашим домом. Но обо всех этих подробностях может написать вам сестра, а я не прежде расскажу, как увидевшись с Жуковским, которому не желаю сделать какую-нибудь неприятность».</p>
30.	1849	Москвитянин. 1849 г. №13. С. 9–10.	<p>«Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета, Анною Зонтаг. 2 части. Издание пятое, исправленное» СПб., 1849 <тип. не указана></p>	<p>«Божественныя книги Ветхаго и Новаго Завета перед нами; мы читаем их на своем родном, священном Славянском языке. Чистый, дественный, как ни один из новых языков Европы, принял он святя письма и соблюл смысл Божественнаго Слова. Но для юношества необходимо было сокращение Божественных книг и переложение на живой Русский язык, доступный для детских понятий. Этот труд должен был быть свой, а не переводный с других языков, потому что Божественныя книги на родном языке перед нами, толкования соответственныя Православию в устах и письменах наших учителей Закона. Но многие ли принимали на себя этот труд? Неужели легче, удобнее было переводить: <i>“Двести осемь</i></p>

				<p>священных историй Ветхаго и Новаго Завета, соч. Иоанна Гибнера и Матвея Вагнера;” “Достопамятнейшия повествования из библейских деяний, соч. Кампе;” “Детския Библии, соч. Флери; “Сто четыре священныя истории,” также Иоанна Гибнера, и множество других переводов?— Мы помним однакоже, что юношество пользовалось именно и преимущественно этими переводами. Мы не спорим, что это не нарушает благосестиваго изучения Священного Писания; но перевод с новых языков, слабых и безсильных, никогда не выразит того священнаго достоинства изречений, какое может дать преложение их с Славянскаго языка. Например, при описании Израильтян, возроптавших в пустыне, когда разгневался на них Господь гневом, и разгорелся в них огонь и потребил часть их, “и седше плакахуся сыне Израилевы и рекоша: кто ны напичает мясы; помянухом рыбы, яже ядохом в земли Египетстей туне, и огурцы и дыни, лук <...>” — Как просто и хорошо было бы сокращение и преложение с Славянскаго:— “Кто напичает нас мясом! <...>” — Пятое издание Священной Истории для детей, выбранной из Ветхаго и Новаго Завета А. П. Зотнаг, служит уже ясным доказательством достоинства этого труда».</p>
--	--	--	--	--

31.	1861	Книжный вестник. 1861 г. №23. С. 406.	<p>«История Англии для детей. Диккенса, пер. А. Зонтаг»</p> <p><выходные данные в рецензии не указаны; предположительно, речь идет об издании, вышедшем в: М., 1860., изд. бр. Салаевых></p>	<p>«Кроме деления книг, печатаемых для детей на учебники и на книги для детского чтения вне учения, эти последние, по свойству своего содержания, по форме своей и по языку, еще могут быть разделены на книги для чтения детей первого, второго и третьего возрастов, т.е. 1) детей, только начинающих читать и понимать читаемое до 7 или 8 лет от роду; 2) книги для детей, посещающих элементарные курсы школ, от 8 до 9 или 13 лет и 3) книги для детей, проходящих в учебных заведениях предметы, которые требуют большой или меньшей самостоятельности и умственного напряжения, следовательно от 12 или 13 лет до 15-16. Отличительные свойства этих трех групп книг заключаются в следующем:— 1-ое, возможная занимательность содержания, при совершенной простоте, несложности формы и возможной удобопонятности языка.— 2-ое, обилие сообщаемых научных сведений при занимательности изложения и некоторой сложности формы; большая серьезность тона, впрочем лишенная сухости.— 3-е, независимо от свойства содержания, во всяком случае, вполне нравственного, полное изящество языка, богатство форм его, живость изложения, способствующая тому, чтобы читатель отдыхал от умственного</p>
-----	------	---------------------------------------	--	---

				<p>напряжения, требующагося для классных занятий.— К 1-ой группе книг принадлежат: коротенькия сказки, стихотворения, несложныя поести и рассказы, преимущественно иллюстративныя и отчасти могущия служить для нагляднаго обучения.— Ко 2-ой группе – описания, относящияся к познанию родины, к отчизноведению, в обширном смысле, далее ко всем наукам, искусствам и ремеслам.— К 3-ей группе –всякаго рода популярныя сочинения, повести и романы, отличающияся от таких же книг, написанных для взрослых, одним тем, что некоторыя стороны жизни и сердца человеческого в них не затрагиваются. <...>. Разд. “4. Книги по истории”. Как по живости рассказа, так и по художественной рельефности картин и образов исторических, по разумности общего направления едва ли не лучшее сочинение в своем роде. Читается книга легко, залпом: внимание постоянно напряжено дальнейшими событиями. Что касается перевода, то слог его местами весьма небрежен, правописание чрезвычайно странно»³⁶.</p>
--	--	--	--	---

³⁶ Настоящий отзыв помещен в разделе «Лучшая детская книга», состоящем из нескольких частей. Логика, по которой структурирован раздел, описана в преамбуле раздела, приведенной нами перед текстом отзыва. Преамбула начинается со слов «Кроме деления книг» и заканчивается «стороны жизни и сердца человеческого в них не затрагиваются», после нее следует отзыв.

32.	1861	Звездочка. 1861. Ч. 65. Отд. 3. С. 231–251.	«История Англии. Диккенса, Перевод Анны Зонтаг» М., 1861.	<p>Если-бы вам, читатели, в одно прекрасное утро сказали: “Ну, одевайтесь, дети, сегодня мы проведем день в одном большом пансионе, посмотрим, как там учатся, гуляют, живут маленькия воспитанницы. Для вас, воспитывающихся дома, это будет очень интересно.” Вы поверили на слово, отправились, но вас ввели не в классную, не в столовую, а к начальнице-старушке с строгим лицом, тихой, но не любезною речью, усадили в ея комнате, познакомили с надзирательницами или гувернантками пансиона, преподавателями, которые время от времени являлись к начальнице за получением разного рода приказаний, касающихся воспитанниц, и замечаний, касающихся собственно уже их самих; под вечер вас отвели домой. “Ну что видели вы в пансионе?” спросили вас дома. Могли-ли-бы вы сказать, что видели? Конечно нет; разве вы видели воспитанниц, участвовали, при их молитвах, занятиях в классе, обеде, прогулках, приготовлениях к урокам?— Автор книги, которой заглавие мы выписали, поступает с вами в роде пригласивших осмотреть заведение. Этим заглавием он обещал рассказать историю Англии, т.е. Английскаго государства, Английскаго народа,</p>
-----	------	---	--	---

				<p>а о народе-то и не говорит ни слова. Он исключительно знакомит вас с королями и королевами, начиная от Альфреда Великого и оканчивая ныне благополучно царствующей Викторией (впрочем о всей Генноверской династии заключающей в себе 10 царственных особ, рассказано чрезвычайно коротко, на 3-х страничках) с их министрами, любимцами и либимицами, внутренними и внешними врагами, баронами, католиками, протестантами, и особенно претендентами престола, правителями держав, воевавших с Англиею; при этом весьма подробно описывает сражения, казни, злодейства и прочие темные дела. Метода его везде одинакова. Разделив всю историю на главы и назвав каждую: “Англия во время правления или под управлением короля или королевы такой-то”, автор начало каждой главы посвящает характеристике державной особы, т.е. описанию внутренних качеств, а если замечательны внешния, то и внешних, как напр. Генриха VIII, Иакова I. (ч. I, стр. 159–384). За тем, так как у каждого короля или королевы был фаворит, и даже не один, и враги (тут уж положительно можно сказать, что не один), то после более или менее кратких биографий тех и других следуют описания милостей к первым и</p>
--	--	--	--	---

				<p>вражды с вторыми; при этом последнем обстоятельстве весьма важную роль играют Тауер (тюрьма), костры и пр. Наконец кончина властителя, борьба наследника с претендентом, смерть или бегство одного из них, и новое воцарение, а следов. И новая глава. Само собою разумеется, что порядок этот не везде строго соблюдается. Интересу его весьма много помогают эпизоды или пространные рассказы о лицах или событиях, относящихся одною стороною к истории Англии, напр. эпизод о Иоанне Д'Арк. Но не смотря на мастерское изложение и блестящий язык, такие эпизоды существенно делу не помогают. Главная мысль, лежащая в основе труда, остается та-же, именно: начертить историю королевской власти в Англии, и автор остается верен этой мысли во всех главах, выключая первой, где описывает домашнюю и общественную жизнь Британцев в тот период, когда они приходят в первый раз в столкновение с историческим миром в лице Римлян, напавших на Британию под предводительством Юлия Цезаря (за 50 л. до Р. Хр.), и следовательно сами делаются народом историческим. Но это единственное место из всей истории Англии, где вы видите действующим лицом народ, и это конечно потому,</p>
--	--	--	--	---

				<p>что в то время у древних Британцев не было королей-правителей. Они управлялись жрецами и только на случай нападения врага выбирали из своей среды вождя. Освободившись от римлян, Британцы подпали игу Саксонцев, и Альфред, названный Великим, сделался их королем. Династию Саксонскую сменили Датчане с Канутом, изгнанные в свою очередь Нормандцами, и т. д. Отсюда автор совершенно предается интересам династическим и только по временам, при описании каких-нибудь величайших общественных бедствий, чумы, пожара и губительных войн, он вспоминает о народе этой краткой фразой: “Народ в это время очень страдал”, или “народ много терпел!”. Словом, этот народ у автора не только в тени, но как-будто и не существует вовсе.— Спрашивается: справедливо-ли это? Справедливо-ли в истории государства, если только автор намерен написать действительно историю, а не просто рассказы из истории, заняться исключительно одною стороною, одною, так сказать, стихиею его, и пройти молчанием другую, и притом гораздо важнейшую? Правительство, в какой-бы форме оно ни являлось – наследственной-ли монархии или временной власти, самим народом учреждаемой, как в республиках, играет</p>
--	--	--	--	--

				<p>весьма важную роль в судьбах народа: им создается благоустройство гражданского общества, сохраняется его целостность, единство и часто обеспечиваются успехи в развитии. Народ без правительства – это судно без кормчего, предоставленное произволу и случайностям, он не избежит подводных камней в море житейском, на которые наведут его завистливые соседи, или падет сам от себя, потеряв все силы в борьбе с собственными страстями. Потому-то в истории государств правительству отводится одно из почтеннейших мест, более почетных, чем наукам, промышленности, как предмету более близкому к жизни народной и следовательно более влиятельному. Но, кроме правительства, другой главный предмет есть народ. Народ живет сам собою и сам для себя, в нем богатство страны, в нем сила, основа государства, в нем собственно жизнь. Правительство только <i>правит</i>, руководит этой жизнью, оно стоит на страже народного труда, поощряя его, указывая новые пути, наблюдая за его ходом. Если-же народу принадлежит такая важная роль в государстве, то ему следовательно должна принадлежать такая же роль и в истории.— С другой стороны: какая цель всякой истории, напр. истории музыки? То, чтобы изложив постепенный</p>
--	--	--	--	--

				<p>ход этого искусства от начала его, лучше понимать современное состояние его, определить, что в нем относится собственно к нашему веку, на сколько в этом он ушел от прошедшего, кому принадлежит честь этого движения вперед, как велика заслуга двигателей и пр. Такова-же цель и истории государства. Ею объясняется современное состояние общественного и семейного быта страны; а в чем состоит этот общественный и семейный быт? В религии, которую исповедует народ, в степени просвещения его, развития гражданственности, политики, военной силы, торговле промышленности и пр., которыми занимается так же народ. Следовательно задача истории государства –проследить постепенное развитие жизни народной во всей ее проявлениях; другими словами: она должна заключать в себе и историю образования народного, – и историю гражданских учреждений и историю промышленной деятельности, и историю царствующих династий и пр. и пр.— Применяя сказанное к Англии, мы бросим беглый взгляд на современное состояние этой страны, для того, чтобы наглядно представить, каких результатов мы должны ожидать от истории ее.— Английский народ в семье Европейских народов занимает</p>
--	--	--	--	---

				<p>первое место по своим громадным успехам в цивилизации. Все стороны общественного быта и семейного, все то, что составляет благоденствие и славу государств, у Англичан стоит на высокой степени развития, доведенной до совершенства, возможного в наше время Имена Вальтер-Скотта, Байрона, Шекспира, Юма, Маколея, Милья, Диккенса (автора Истории) и множество других приобрели бесспорное право на всеобщее уважение Английской литературы и ее бессмертие. Никто и не станет оспаривать, что воспитание Английское есть лучшее, образцовое, что строгою семейною нравственностью, уважением к религии, непритворным благочестием, уважением к отечественным законам, к личности, нравам собственности другого – проникнуты все слои общества, от первого лорда до последнего ремесленника. Собственно о материальном богатстве страны, фабриках, заводах, торговле, земледелии, сельском хозяйстве и говорить нечего. Англичанин по своему светлому уму, предприимчивости, упорству в труде такой хозяин, что и Немцы, и Французы, и Русские годны ему разве в ученики. Практическая жизнь – истинная сфера сынов Альбиона, и здесь человечество обязано им многочисленными изобретениями,</p>
--	--	--	--	--

				<p>открытиями, усовершенствованиями. Но не в этом собственно видит Англичанин залог своей силы и благоденствия; он гордится, дорожит более всего на свете политической своей свободой, своими правами гражданина, по которым он есть участник в общественных делах, судья своих министров, которым дает отставку, если замечает в их распоряжениях противное своим интересам и достоинству; он гордится своейю отлично-организованною администрациею, безкорыстными судами, точными законами. Народ с таким общественными учреждениями, с такими умственными и моральным развитием на языке современном называется <i>передовым</i>. Но, увы! Этот передовой народ при неоспоримых достоинствах имеет много важных недостатков. Таков уж должно быть удел всего живущаго на земле! Нет народа, более дорожащего свободой, как Англичане, и в то-же время более деспота, более притеснителя свободы других. Англичане сами сознаются в этом, и не давно еще лорд Каннинг, губернатор Ост-Индский, исповедывал этот национальный недуг перед целым светом. Англичанин – эгоист более, чем всякий другой; всюду вмешиваясь, он ищет только своих выгод, тянет лучшие соки из сил чужих народов до</p>
--	--	--	--	--

				<p>последней капли и на трупe их созидает свое могущество (пример Индия). Он мстителен до мелочности и, воюя с государством, не задумывается отнять дырявую лайбу у Чухонца, ограбить Керчский музеум, сжечь беззащитную деревню. Нет народа, где-бы один был богат как Крез, другой беден как Икар, и ни в какой другой стране не найдете вы того, чтобы последний так глубоко ненавидел перваго и первый так искренно презирал последняго. Из этого-то контраста в характере и жизни Английскаго народа происходит то, что одни превозносят его до небес, другие бранят на чем свет стоит, одни, говоря об нем, прилагают самые лестные эпитеты, другие не иначе называют, как <i>коварный Альбион, ненавистный Джон-Буль</i>.— Отчего-же в самом деле Англичане так далеко ушли на пути просвещения сравнительно с другими народами, между которыми есть не менее даровитые и не позже их начавшие историческую жизнь? Не было ли каких-либо особенных причин, способствовавших успеху их в этом деле? Какая же это причины? Что помогло им так хорошо выработать начала гражданственности, так далеко распространить права народа? Из каких источников и при содействии каких обстоятельств возникли и</p>
--	--	--	--	--

				<p>усилились между ними дурные черты, и отчего оне так глубоко зашли в нравы и характер Английского народа, что, при всем своем умственном и моральном образовании, оне не в силах свергнуть с себя их ярмо? Какими историческими событиями объясняется взаимная вражда простаго народа и аристократии и, как это вражда не бесили нации?... Вот вопросы и много других подобных им, которые рождаются сами собою при взгляде на современное состояние Англии и разьяснение которых мы желали-бы найти в истории ея.— Но наши читатели могут нам возразить, что доискиваться таких выводов из истории для них еще рано, что всякая история, как наука систематически располагающая события, указующая внутреннюю связь между эпохами, иногда отдельными, чрез разбор и критическую оценку фактов, для их молодого ума еще недоступна, тяжела, скучна, что это пища для взрослых. Но мы и не требуем такой истории, зрая, что всему будет свое время. Мы хотим только, чтобы и время детского возраста не пропало даром или по крайней мере с большую пользою употреблено было. От этого двойная выгода: серьезная подготовка к будущим трудам, т.е. приобретение знаний и, главное, приобретение навыка вести дело со смыслом, отчетливо, разумно.</p>
--	--	--	--	--

				<p>Ну что-же, если вам будут попадаться книги с громким именем истории, но заключающие в себе просто рассказы о тех или других происшествиях, которые автору кажется более или менее интересными, и которые не связаны между собой одною общею идеею, дающею им весь и значение, как действительно-жившим лицам, как действительно-совершавшимся событиям. Не будет ли похожа тогда история на выдумку, на сказку, которую читаешь занимательно, но если бы не прочел, так ничего-бы не потерял? Неоживленные общей идеей факты скоро улечиваются <sic> из головы. Что за польза, если вы узнаете, что в Англии была некогда жестокая междоусобная война, известная под именем войны Белой и Алой Розы, узнаете с каким ожесточением противники вели ее, где происходили сражения, под чьим предводительством, какая сторона одержала верх, если в то-же время не узнаете, из каких причин возникла эта война; как смотрел на нее народ, как она в нем отразилась, какия имела последствия для страны. Интересно конечно знать, что Генрих VIII был женат на 6-ти женах, что перед вступлением в брак с новым лицом он почти всякий раз казнил прежнюю жену, что он воевал с Шотландиею и Франциею, что в его время в</p>
--	--	--	--	---

				<p>Англии начало распространяться учение протестантов; но разве только можно сказать об этом чудовище, изверге рода человеческого? Разве в этом состоит то грязное кровавое пятно, которое он положил на историю Англии? Чудовище в жизни частной, семейной, он был конечно и чудовищем для народа, и народ чем-нибудь обнаружил же к нему свою неприязнь. В наших детских историях России конечно тоже мало обращено внимания на народ, собственно на его жизнь, но наша история только-что еще разрабатывается, собираются еще только материалы, недавно еще установился правильный взгляд на нее. Мы не имеем еще такой истории для своего отечества, какую имеют Англичане для своего-истории Макколея; но при всем-том у нас есть История России в рассказах для детей удовлетворительнее истории Диккенса. Там не говорится исключительно о войнах, казнях, интригах и пр., но говорится о делах общественных: о состоянии просвещения народа в ту или другую эпоху, о народных обычаях, нравах, делах народа, относящихся к вере (раскол, кудесники), о промышленности, об управлении и пр., так что маленькой читатель привыкает следить за постепенным изменением быта всего народа во</p>
--	--	--	--	---

				<p>всех его сторонах и, кончив историю, приобретет понятие о государстве, как о чем-то целом, живом. Но повторяем – наша история еще только разрабатывается.— Впрочем мы еще будем иметь случай сказать, как полезно и необходимо было-бы в истории Англии читать не одну биографию королей, а теперь обратимся именно к этим биографиям и поговорим о впечатлении, какое производит на душу их чтение.— Представьте, читатель, если-бы вам каким-нибудь чудом довелось быть на спектакле (мы говорим чудом, потому что на обыкновенном театре таких сурово-мрачных представлений не бывает), где-бы выведены были на сцену люди безнравственные, грубые, злые, внушающие отвращение. Вся жизнь этих героев, которые проходят пред вами как в фокусе волшебного фонаря, есть ряд ссор, драк, буйства, мелких и больших интересов, жестокого зверства, воюющей неправды. Переменяется декорация и вы, подавленные тяжелыми сценами, ищите успокоения, отдыха на каком-либо отрадном явлении, но вместо того перед вами новые ужасы. Такова история Англии, какую начертил ее мастерской рукой автор. Были конечно между королями ея люди и очень умные, и очень добрые, таковы в древния времена родоначальники</p>
--	--	--	--	--

				<p>династий: Саксонской – Альфред Великий, Датской – Канут Великий, Нормандской – Вильгельм Завоеватель, в новыя времена – Елизавета и некоторыя члены последней династии Ганноверской; но автор, как-будто нарочно светлыя стороны этих людей поставил в тени, и выставил рельефно одни дела темныя. Так из блестящего царствования Елизаветы всего более выдается трагическая кончина ея двоюродной сестры, королевы Шотландской, Марии Стюарт, которая, по словам автора была «колючим тернием в царском венце Елизаветы». О временах-же позднейших, когда и нравы были по-мягче и люди более похожи на людей, автор, как мы уже прежде сказали, говорит чрезвычайно кратко, почти только перечисляет венценосцев, так что, повторяем, общее впечатление чрезвычайно тяжело; тяжело оно как от характера действующих лиц и поступков их, так и от однообразнаго метода изложения: все одно и то-же; прочитавши несколько глав, уже знаешь, что будет в остальных, события одинаковы: война, костры, переменяются только лица, да и лица как-будто те-же. И в самом деле на пространстве нескольких сот лет вам постоянно попадаются все герцоги Суффольки, Норфольки, Эссексы, Сомерсетсы, так что в одном царствовании</p>
--	--	--	--	--

				<p>какой-нибудь Норфольк казнен, в другом – Норфольк сам казнит, а там смотришь, через три, четыре царствования, т.е. лет через 70, 80, опять казнят Норфолька, и кажутся они какими-то безменными. А дело в том, что в Англии титул герцогский давался по названию городов или провинций, и короли по смерти одного Эссекса, сейчас-же из своего любимца делает другого Эссекса.— Чтобы придать истории больший интерес, нужно было-бы сделать ее более разнообразною, а для этого, скажем опять, не упускать из виду народа и его жизни.— «Оканчивая перевод этой истории», говорит переводчица, «наполненной убийствами, грабежами, пожарами, крамолами, разными варварствами, предательствами, обманами, коварством, буйством, я, Русская, благодарю Бога, что у нас в России до сих пор все шло тише, честнее, благороднее» (Ч. II, стр. 595). Мы с своей стороны ничего не может <sic> сказать против этого, кроме того, что уже сказали прежде, т.е. что История русская еще не привела в известность все материалы, которые может быть укажут на многое, до сих пор неизвестное. Английская история действительно в этом отношении есть одна из самых мрачных. Не даром</p>
--	--	--	--	--

				<p>к ней прибегают драматические писатели: это богатый источник для кровавых сюжетов.— Если «История Англии» имеет недостаток в одностороннем взгляде автора на предмет, если она утомительна по однообразию мрачных событий, то с другой стороны в ней есть такие достоинства, которые сделали-бы честь не только детской Истории, но какому угодно сочинителю. Рассказ ее необыкновенно художественный, обличающий в авторе великого мастера. Вы незнакомы еще с Диккенсом, как писателем? В ряду современных европейских беллетристов, т.е. писателей романов и повестей, он занимает первое место и имеет только одного равного себе – своего-же соотечественника Теккерея. Отличительное свойство его таланта есть юмор, т.е. способность изображать самые грустные явления жизни в таких комических формах, таким простодушно-веселым тоном, что читателю в одно и то-же время хочется и смеяться и плакать. Наш Гоголь, родственник Диккенсу по таланту, охарактеризовал этот дар так: «рисовать жизнь сквозь видимый миру смех и невидимые слезы». Вместе с этим Диккенс владеет искусством необыкновенно живо, рельефно очерчивать характеры и возбуждать в читателе или симпатию к ним, или презрение. Таким он является</p>
--	--	--	--	--

				<p>и в своей истории. Посмотрите напр. какую искусною кистью он рисует портрет короля Иакова I-го:— «Наш Шотландский родственник, был безобразый, неловкий и не прямой человек телом и душою. Язык его был слишком велик для рта его, ноги были слишком слабы для поддерживания его тела, а мутные глаза его то останавливались неподвижно, то блуждали, как у безумного. Он был коварен, корыстолюбив, расточителен, ленив, нетрезв, неумерен в пище, неорпятен, трус и величайших хвастун в мире. От самага рождения он был золотушен и очень худ. Вся наружность его была смешна до невероятности и очень странна. Обыкновенно он носил толстую, косматую байковую одежду, для того, чтобы предохранить себя от кинжала убийцы, чего он ежеминутно боялся. Одежда эта была с ног до головы зеленаго цвета; охотничий рог висел, вместо меча, при бедре его; гляпа с пером была надета или на бок, или сдвинута совсем на затылок, как-будто кто сшиб ее кулаком с головы его. Он имел привычку виснуть на шее котораго-нибудь из своих любимцев, гладить его по лицу, целовать и щипать за щеку, и один из самых приближенных его фаворитов предписывал письма свои к королю обыкновенно таким образом: «Его Величества раб и собака», а</p>
--	--	--	--	---

				<p>надписывал письма к нему так: <i>«Благодателю»</i>. Иаков был самый плохой верховой ездок, а воображал себя великим наездником. Он говорил Шотландским наречием и был величайший болтун, чванясь тем, что его никто не может переспорить. Он написал несколько прескучных трактатов и считал себя знаменитым автором».— Или вот как описывает он Елизавету:—«Наружность ее была замечательна, не красива, но величественна. Волосы ее были совсем рыжие, нос слишком длинен и остр для женского лица. Она далеко не была такой красавицею, какою представляли ее придворные льстецы, но была недурна и казалась прекрасною в сравнении с мрачною и угрюмою Марией. Она была учена, читала очень много, иногда выражалась слишком жестко, с бранью; говорила много и грубо. Она была умна, но хитра и лукава, и получила в наследство от отца довольно раздражительный и сердитый характер».— А вот и отец ее – Генрих VIII.— «Ему было ровно восемнадцать лет, когда он взошел на престол. Говорят, что в это время он был пригож собою; но я этому не верю! Он был высокий, жирный, шумливый, малый, с маленькими глазами, широким лицом, толстый щеками, двойным подбородком, и входя в лета, лицо его стало похоже</p>
--	--	--	--	--

				<p>на свиное рыло, в чем всякий может убедиться, посмотрев на портрет его, написанный знаменитым живописцем Гансом Гольбейном; да нельзя-же и поверить, чтоб такой дурной характер мог скрываться под прекрасною, привлекательною наружностью и не отразился-бы ан лице».— Можно-ли также без особенного грустного чувства читать о казни леди Джен Грей, прекрасной шестнадцатилетней женщине, очень милой, умной и ученой, как описывает ее автор (II, 235). После смерти короля Эдуарда VI (1553 г.) лорды упростили ее принять корону, не смотря на ея отказы и помимо законной наследницы Марии. Уступая воле своих честолюбивых родителей, леди Грей согласилась. Но партия Марии взяла верх и леди Грей после 10-дневного царствования сложила с себя корону. Она сделала это охотно, говоря, что она приняла ее единственно из повиновения отцу и матери! Она с радостью возвратилась в дом свой, на берегу руки, к своим книгам и занятиям, а Мария направила путь к Лондону. Но жестокая, мстительная Мария не забыла, что Леди Грей была претендентка и, главное, лютеранка и, подписала ей смертный приговор.— «Все старались уговорить леди Джен принять Римско-католическую веру для спасения</p>
--	--	--	--	---

				<p>жизни, но она не согласилась. Поутру, в день ее казни, она увидела в окно обезглавленный труп своего супруга, который везли на дорогах от Тауер-Гилля, где он был казнен. Она не хотела видеть его перед казнью, чтобы не лишиться бодрости, которая была ей нужна, чтобы встретить собственную смерть, и в настоящую минуту показала такой спокойствие, такую непоколебимую твердость, которая никогда не будут забыты. Она взошла на эшафот твердыми шагами, с видом спокойным, и простилась с присутствующими; в голосе ее не обнаруживалось ни малейшего волнения. Зрителей было мало. Она была так молода, так прекрасна, так невинна, что боялись казнить ее публично на Тауер-Гилле, где был казнен муж ее; место ее казни было внутри стен Тауера. Она сказала, что поступила противозаконно, заняв место, принадлежащее королеве Марии по всем правам, но что она не имела никаких дурных намерений и что теперь умирает смиренною христианкою. Она просила палача скорее кончить свое дело и просила у него: «Как же вы отрубите мне голову? Прежде нежели я лягу?» – Палач отвечал: «нет, миледи!» – Пока ей завязывали глаза, она стояла тихо, но, не видя плахи, искала ее ощупью руками и сказала: «О! что</p>
--	--	--	--	---

				<p>же мне делать? Где она?» – Ей указали то место, которого она искала, и палач отрубил ей голову. Вы знаете, сколько ужасных дел было совершено в <i>Англии палачем</i>, и как часто секира его падала на страшную плаху, чтобы обезглавить мудрых, храбрых, лучших людей в государстве, но еще ни разу не было совершено такого жестокого, подлого, гнусного убийства».— Но менее жестокое убийство, хоть и над менее невинной жертвой, совершено было в царствование Елизаветы. Мы говорим о несчастной Королеве Шотландской Марии Стюарт. Повесть ее длинна, мы представим читателям только конец драмы.— «Видя, что час ее наступил, Мария написала к королеве письмо, в котором умоляла ее исполнить три последних ее просьбы: первую – чтобы тело ее было предано земле о Франции; вторую, чтобы казнь ее была совершена не тайно, а в присутствии слуг ее и некоторых других особ; третью, чтобы после ее смерти слуги ее не терпели никакого притеснения, но чтоб им позволено было возвратиться в их дома, взяв с собою все то, что она им завещала. Это письмо было очень трогательно, и Елизавета плакала, читая его, но не отвечала. Прибыли чрезвычайные посланники из Франции и Шотландии просить о пощаде Марииной жизни;</p>
--	--	--	--	---

				<p>узнав о их прибытии, народ стал с шумом требовать ее смерти.— «Истинные чувства Елизаветы и намерения ее неизвестны, но по всему видно, что она желала Марииной смерти и желала, чтобы вина пала не на нее. Первое февраля 1587 года лорд Борлей получил смертный приговор Мариин. Королева послала Девисона, собственного своего секретаря, за этим приговором; она должна была подписать его. Бумага была принесена. На другой день Девисон спросил у королевы, прикажет-ли она приложить печать? Елизавета отвечала с досадою: «К чему такая поспешность?». На следующий день она подшучивала над Девисоном и немного ругала его. Еще на следующий день, казалось, она сожалела, что бумага еще не готова, однако ясно не говорила ничего и только на седьмой день граф Кент и Шрюсбери, вместе с шерифом Нортгэмптонширским, привезли приговор в Фортрингей и объявили королеве Шотландской, что она должна готовиться к смерти.— По выходе этих зловещих вестников, Мария умеренно поужинала, выпила за здоровье слуг своих, прочитала им свое духовное завещание, легла в постель и уснула несколько часов. Потом, вставши, она надела лучшее свое платье, а в восемь часов</p>
--	--	--	--	--

				<p>шериф пришел за нею в ее часовню. Тогда она простилась с прислугою своею, которая, собравшись в часовне, молилась вместе с нею, и пошла вниз, неся в одной руке молитвенник, а в другой распятие. Было позволено двум из ее женщин и четырем мужчинам находиться в той зале, где был поставлен низкий эшафот, возвышавшийся только на два фута от пола и покрытый черным; возле эшафота стоял палач, с двумя помощниками, все в черной бархатной одежде. Зала была наполнена народом. Мария сидела на стуле в то время, когда ей читали смертный приговор; выслушав его, она, как и прежде, не призналась ни в чем. Граф Кент и декан Петербургский, с протестантским своим усердием, проговорили ей несколько совсем ненужных увещаний, на которая она отвечала, что умирает в Римско-католической религии, и просила их об этом не беспокоиться. Когда палач обнажил ей голову и шею, то она сказала, что совсем не привыкла, чтобы ее раздевали такие руки и при таком многолюдном собрании. Наконец, одна из ее женщин завязала ей глаза и она, положив голову на плаху, несколько раз повторила полатыне: «Отче! В руке Твои предаю дух мой!» – Иные говорят, что голова ее была отделена от</p>
--	--	--	--	--

				<p>туловища двумя ударами, а другие утверждают, что тремя; как бы то ни было, когда палач хотел отделить эту голову от ручья струящейся крови и оставя фальшивые волосы поднял ее за настоящие, то все увидели, что она была седа, как восьмидесятилетняя старуха, хоть в то время ей было только сорок-шестый год. Красота ее совершенно увяла.— «Но она казалась еще прекрасною маленькой ея собачке, которая вместе с нею взбежала на эшафот; испуганная шумом, она спряталась под ея платье и лежала возле обезглавленного трупа когда все земныя горести кончились для госпожи ея».— Язык Истории, как видят читатели, до невероятности прост; речь краткая, как-бы отрывочная, но чрезвычайно выразительная. Острым, метким словом или неожиданным оборотом автор любит иногда сорвать улыбку с читателя.— Но не должно забывать, что Диккенс – Англичанин и писал Историю для своих маленьких соотечественников; для того, не должно забывать, чтобы не увлечься совершенно его рассказами, потому что в них он не совсем бывает безпристрастен. Если какой-нибудь король или принц совершает поступок добродетельный, то он этому поступку придает огромное значение, свойство его приписывает и</p>
--	--	--	--	---

				<p>всему Английскому народу, так что переводчица совершенно основательно вынуждена была подстрочными замечаниями несколько ограничить патриотизм автора. (См. ч. I. стр. 443, ч. II. стр. 549).— Но особенно пристрастие автора ярче бросается в глаза, когда дело касается другой какой-нибудь державы, и тем более Франции. Так, описывая победы короля Эдуарда III во Франции, он распространяется в подробностях и вообще рассказывает с видимым сочувствием к делу; но где Французы вторгаются в Англию и производят опустошения, старается быть кратким, о победителях говорит с желчью. Мы отсылаем желающих проверить нас к стр. 13 и далее ч. I.— Перевод безукоризнен, издание опрятное.</p>
33.	1862	Книжный вестник. 1862 г. №2. С. 30.	«Волшебные сказки для детей первого возраста, изданные Анною Зонтаг...» М., 1862. <тип. не указана>.	«В начале помещена повесть: “Олинька и бабушка ее Назарьевна”, в которой нет ничего волшебного. Впрочем и в некоторых из сказок нет этого элемента, который заменен элементом, так называемого на детском языке, страшного или, попросту, чудовищного, безобразного. Слог хорош, рассказы <неразб.>ведены живо, издание очень мило».

34.	1863	Русский инвалид. 1863 г. №175. С.	«История Англии. Перевод книги Карла Диккенса» М., 1860. Изд. бр. Салаевых.	Н/д.
35.	1864	Книжный вестник. 1864 г. №9. С. 171.	«Сочельник перед Рождеством Христовым, или Собрание повестей и рассказов для детей старшего возраста» <вых. данные в отзыве не указаны, нами также не установлены – нет книги>	«Две толстые книжки с раскрашенными картинками, заключающая в себе 7 нравоучительных повествований из жизни русского “порядочного” общества, необыкновенно растянутых, скучных, написанных плохо по русски, а главное – не заключающих в себе ничего жизненного и художественного. Мы не думаем, чтобы нашлись серьезные воспитатели, которые дали бы подобныя пустыя книжки детям старшего возраста. Конечно, в этих рассказах не проповедывается ничего особенно дикаго, но мы уже несколько раз высказывали убеждение и теперь повторяем, что ничто не <i>растлевет</i> так ум юношества, как вечное анализирование каждаго самага мелочнаго проявления человеческой души производимое без малейших строгих психологических принципов и под руководством шаткаго и любящего расплываться в тонкостях диалектики женскаго ума. Такая работа бесполезна, расслабляет юныя умстренныя силы, точно спервый воздух в душной, сильно наполненной комнате – <i>énergante</i> , как говорят французы. А именно этой растлевающей духотой и обдают вас

				разсуждения г-жи Зонтаг. Такие книги – самые вредные для детей и мы всегда будем энергически предостерегать от них воспитателей».
36.	1869	Учитель. 1869 г. №9–10, С. 330–335 ³⁷ .	«Волшебные сказки для детей первого возраста, изданные Анною Зонтаг». М., 1867.	Читатели знают наше уже мнение о сказках и вообще фантастических рассказах, высказанное когда-то в нашем журнале. После того нам неоднократно случалось читать и слышать против него возражения и протесты, причём протестующие объявляли подобное мнение «педантизмом». Не считая своих мнений абсолютно безошибочными, мы при всем том не можем сделать противникам нашим уступки, кроме сознания, что мы высказали свое мнение не довольно точно. Мы не отвергаем все фантастическое безусловно, не объявляем вредными все фантастические рассказы без исключения: все зависит от того, каковы эти рассказы. Греческие мифы также принадлежат к области фантастического, но составляют для детей вообще хорошее чтение, хотя, разумеется, требуют строгого выбора, так как нередко они содержат в себе намеки на отношения, знание которых для детей слишком преждевременно. Вообще говоря, всякий фантастический рассказ, если только он не

³⁷ Отзыв посвящен книгам: «Новые сказки» (Эдуарди Лабуре, СПб., 1869., изд. Н. И. Леманского), «Русские сказки» (Н. Ахшарумов. СПб., 1869., <тип. не указана>), «Волшебные сказки для детей старшего возраста, изданные Анною Зонтаг» (М., 1867. <тип. не указана>).

				<p>лишон художественности и поэтичности, и если в нем нет ничего, что могло бы вредить нравственности, можно смело дать детям. Но дело в том, что большая часть рассказов, которые циркулируют под именем «сказок», «волшебных» и других, вовсе не удовлетворяют этим условиям. Обыкновенно мы находим в них изображения весьма грубые, неизящные; сцепления происшествий часто лишены не только мысли, но и здравого смысла; и фантазия разгуливается до крайнего безобразия. Подтверждением наших слов могут служить большинство книг подобного рода, и между прочим, отчасти также те, о которых мы теперь намерены говорить.— Лабуле, в предисловии к своим сказкам говорит: «Я знаю многих людей – умных ученых и солидных, которые считают волшебные сказки литературой нянек и мамок. Не отрицая мудрости в этих ученых людях, я все-таки не могу <sic!> не заметить, что подобное мнение обличает их крайнее невежество. С тех пор, как совершенная наука узнала начала цивилизации и возстановила памятники жизни человечества – сказки заняли почетное место во мнении ученых». Не знаем, о каких <i>учоных людях</i> говорит здесь Лабуле. Если он говорит о педагогах, подобно нам отрицающих пользу чтения сказок для</p>
--	--	--	--	--

				<p>детей, то эти <i>учоные люди</i> вовсе не отвергают значения сказок, какое оне могут иметь для науки. Они рассматривают сказки только как чтения для детей; и вопрос для них состоит в том, можно ли одобрить такое чтение, может ли оно иметь на детей хорошее влияние. Вещь может иметь важное значение для учонаго, занимающагося культурно-историческими изслдованиями, и в то же время составлять очень плохое, вредное чтения для детей. Таким образом, уличая других в невежестве, Лабуле сам немножко промахнулся.— Г. Ахшурумов написал к своим сказкам довольно длинное предисловие, в котором он также рассматривает вопрос о педагогическом значении сказок, являясь при этом, разумеется, защитником этой отрасли литературы. Он опирается главным образом на тот аргумент, что у ребенка еще слишком мало реальных положительных представлений, для того чтобы построить из них одних полное мирозерцание, и что поэтому их необходимо дополнить образами фантазии, взятыми из сказочного мира. Мы думаем, что автор не совсем прав. Конечно, ребенок не может иметь познаний взрослого, и потому мирозерцание еще не может представлять той полноты. Но разве мирозерцание взрослого можно назвать</p>
--	--	--	--	--

				<p>абсолютно законченным, так-что новья знания ничего не могут прибавить к нему? Совсем нет, у всех людей полнота его только <i>относительная</i>. Мирозерцание – это не такая вещь, которая имеет определенную вместимость и которая непременно должна быть наполнена: она слагается само собою, по мере накопления в нашем уме представлений бывает и шире и уже, сообразно с обстоятельствами. Еслибы дети действительно составляли свое мировоззрение на основании сказочных, фантастических представлений, то это скорее служило бы аргументом против сказок. Но сам автор уверяет, что не только впоследствии в уме не остается ни малейшаго сомнения в том, что рассказываемое в сказках не существует в действительности, но что и в детстве никто из нас не помнит ни одной минуты, когда бы он был действительно убежден, что слышанная им сказка есть правдивая повесть о действительных событиях. Как же после этого говорить о «мирозерцании»?— Более основательным возражением против сказок г. Ахшарумов считает то, что не все оне нравственны по своему содержанию. Он признает, что есть сказки, которья действительно могут быть названы безнравственными; таковы напр. народные сказки</p>
--	--	--	--	--

				<p>о ловких ворах и проч. «Но, прибавляет он, сказки этого рода, во-первых, составляют ничтожное меньшинство; а во-вторых, оне, по содержанию своему, меньше всего могут быть названы сказками в собственном смысле, так как мифический сказочный элемент в них или очень слаб, или вовсе отсутствует. В сущности, это не более, как простые анекдотические повествования. В большей же части действительных сказок нравственное чувство так чисто и так неподдельно в своей чистоте, что всякия опасения этого рода с первого взгляда могут быть признаны совершенно излишними». Жалеем, что не можем согласиться с г. Аршуровым; нам кажется, напротив, что именно сказки последнего-то рода и составляют ничтожное меньшинство. А что касается до остальных, то хотя и не все оне содержат в себе что-либо положительно-безнравственное, но тем не менее не могут быть признаны вполне нравственными. Действительно, большею частью в них, в конце концов, порок наказывается, а добродетель награждается; но то, что фигурирует здесь под именем «добродетели», часто бывает весьма сомнительного свойства и в сущности есть не более, как благоразумный эгоизм. Во-вторых, фантазия, переносящая нас за пределы всех</p>
--	--	--	--	---

				<p>условий действительного мира, ставящая нас все законом его, взывает в читающем настроение, которого нельзя совершенно одобрить: это настроение праздности, ленивой беззаботности, естественно соединяющееся с склонностью к произволу в действиях. Обязанность воспитателя не только препятствовать дурным поступкам питомца, но и предотвращать то настроение, из которого могут проистекать такие поступки. Если во многих из сказок рассказывается, как человек, найдя какую-нибудь шапку-неведимку, ковер-самолет, неистощимую сумку-котомку или волшебный столик накройся, с помощью всех этих чудес может без всякого труда достигнуть величайшей цели своих желаний и жить препиваячи, – словом, если достижение счастья или главной цели человеческих желаний приписывается не внутренним усилиям и достоинствам человека, а совершенно внешним, случайным обстоятельствам, и самое счастье рисуется более материальными, чувственными красками: то все это не может не льстить естественной склонности неразвитаго человека к лени и чувственности. Отсюда переход к действительному миру кажется уже тяжелым; является нерасположение к этому миру, столь</p>
--	--	--	--	--

				<p>непохожему на сказочный, что конечно не может быть благоприятным условием для нравственного развития. Вот почему сказка может не содержать в себе ничего положительно безнравственного, но то же время может производить в детях настроение, которого нельзя назвать совершенно нравственным. Наконец, положим, что она и не будет производить такого настроения: в таком случае, большую часть сказок следует запретить уже потому, что они ужасно глупы, бессмысленны и грубы, изображают не людей, а какие-то уродливые фигуры, не имеющие почти ничего человеческого. Все это не может не быть вредным как для развития ума, так и для развития изящного чувства, которые также имеют право на внимание со стороны воспитателя. Если мы считаем вредными глупые, уродливая карикатуры, то точно так же должны признавать вредными и большую часть сказок, которые в сущности точно такие же карикатуры.— Мнение, будто, отнимая у детей сказки и все фантастические, мы оставляем без пищи их фантазию и поэтическое чувство, даем им одностороннее, прозаическое направление и делаем сухими педантами, совершенно неосновательно. Мы не отрицаем, что поэзия составляет необходимый элемент той среды, в</p>
--	--	--	--	---

				<p>которой должно происходить духовное развитие дитяти. Но разве поэзия существует только в сказках? Сколько есть превосходных поэтических произведений, которые не принадлежат к разряду фантастических, а между-тем не менее последних привлекают детей, представляют для них не менее интереса. Нередко даже простые географические и исторические очерки рассказы занимают детей и питают их воображение не хуже волшебных сказок. Напротив, уродливые порождения необузданной фантазии, которыми наполнены сказки, совершенно антипоэтичны: они, если можно так выразиться, смерть для всего истинно поэтического. Притом же, повторяем, мы не возстаем против сказок безусловно, не питаем против них фантастического предубеждения; а только отвергаем те из них, которые не соответствуют выставленным выше условиям: и надо сказать правду, что сказок, действительно соответствующих этим условиям, чрезвычайно как мало!— Чтобы дать читателям понятие о том, в какой степени удовлетворяют этим условиям озаглавленные три книги, мы, лучше всего, передадим вкратце некоторые из содержания в них сказок. В первой из сказок Лабуле (о Бриаме дураке) повествуется о том, как сын отомстил за</p>
--	--	--	--	--

				<p>смерть отца, притворившись дураком. При этом дело не обходится без множества убийств и ничем не объясненных и не объяснимых злодейств. Сказка далеко не так замечательна и любопытна, как рассуждение, находящееся в конце ее. Вот оно:— «В настоящее время нас оскорбляют подобныя истории, мы мало уважаем ремесло, доводящее до галер. Не то было у первобытных народов. Геродот не грешит (?), пространно рассказывая нам египетскую сказку, которая, без сомнения, есть одна из волшебных сказов Востока. В книге Евтерпа можно видеть, какие – более, чем странное – средство употребил король Рампсинит, три раза обманутый (в лице короля судьи и отца), не придумывает лучшего средства избавиться от вора, как сделать ловкаго разбойника своим зятем. Рампсинит, говорит историк, принял вора очень хорошо и отдал ему свою доч, как самому способному из людей, так как египтяне выше всех народов, а он был выше всех египтян. Из этого видно, что национальная гордость так же стара, как волшебныя сказки. Подобными воровскими историями изобилуют сборники сказок. Под именем «Господин Вор» г. Асьбьерсен напечатал норвежский рассказ, очень похожий на только что изложенный. В этих рассказах более всего</p>
--	--	--	--	---

				<p>поражает наивное удивление авторов к своим героям. Человеческий ум прошел по этому давно оставленному пути! Греки восхищались Улиссом, бывшим на половину вором; Римляне обожали Меркурия...».— Для кого назначено это разсуждение? Для тех же юных читателей, которые будут читать и сказки? Если нет, то зачем же автор вклеил его сюда? А если для них, то нельзя не признаться, что эти строки будут для них очень назидательны...— Следующий рассказ «Зербин бирюк», если чем-нибудь замечателен, то разве своею нелепостью. В Салерно, изволите видеть, жил молодой дровосек, по имени Зербин; он был дик и ни с кем не говорил ни слова, за что его прозвали «бирюком». Раз он увидел какую-то спавшую красавицу; делать ему было нечего, он и давай устраивать для спящей незнакомки беседку из древесных ветвей. Плел, плел, как вдруг видит, ползет змея; он и разрубил ее на три части. Тут спящая красавица (оказывается, что это была какая-то фея), проснувшись, хочет благодарить Зербина за то, что тот спас ей жизнь. «Ничего я вам не спас!» отвечает он. Нет, той таки хочется отблагодарить его. Но Зербин упал, захрапел и притворился, что спит. Прекрасная фея по неволе должна была удалиться. Но на прощании она</p>
--	--	--	--	--

				<p>произнесла еще следующий монолог: «Бедный юноша! Твоя душа заснула! Но что бы ты ни делал, я не хочу остаться неблагодарной» и проч. И проч. Когда дровосек проснулся, то принялся рубить дерево: рубил он, рубил, только дерево не подается. Он отошел шага на два, взмахнул топором и хватил им по дереву так, что сам подлетел шагов на десять вперед и ощупал носом землю. В ту же минуту дерево свалилось. Тогда дровосек собрал нарубленные им сучья, связал вязанку, сел на нее верхом и сказал: «Жаль, что у вязанок нет четырех ног, как у лошадей!». В ту же минуту вязанка приподнялась и поехала рысью. Куда же она его привезла? Прямо во дворец. Во дворце жил король и его дочь, принцесса. Как только принцесса увидела дровосека, едущаго верхом на вязанке, то тотчас и влюбилась в него. Фрейлины же ее расхохотались над дровосеком и давай кидать в него апельсинами. Едва ли станет терпения у читателя проследить всю эту дичь до самого конца: смысл сего повествования следующий: дровосеку во всем везет счастье; чего бы он ни захотел, все ему достается без всяких усилий, и он наконец женится на принцессе. Вся истрия своими подробностями очень напоминает те аляповатые карикатуры, которые рисуются или, лучше сказать,</p>
--	--	--	--	---

				<p>малюются карикатуристами самого последнего сорта.— В сказках г. Ахшарумова, надо отдать ему справедливость, гораздо более тщательности в отделке подробностей; он гораздо умнее, нежели произведения Лабуле. Но за то фантазия автора любит вращаться в образах чрезвычайного мрачного свойства. Первая сказка «Ветрова хозяйшкa», не смотря на эксцентричность фантазии, по крайней мере представляет много забавного и проникнута мыслью. Дочь мужика вышла за-муж за ветра и долгое время, разумеется, была очень несчастлива в своей домашней жизни; но потом она нашла средство обуздывать дикий разгул своего муженька: один колдун дал ей капли и научил, что стоит только спрыснуть ими, и самый буйный человек станет, как говорится, «тише воды, ниже травы». Эти капли называются «терпиливою капелькою», название довольно остроумное и многозначительное. Вот однажды приходит муж домой, о чом-то заспорил с ней, слово за слово и расшумелся: Ах ты, говорит, такая сякая нескладная! Мало тебе, говорит, от меня досталось: Постой же, вот я тебе! и накинулся на нее ястребом. Да только, на этот раз жена не сплошала. Проворно достала скляночку из-за пазухи, отхлебнула, да как прыснет ему в лицо!.. Как повело его! Как</p>
--	--	--	--	---

				<p>скоробило!.. Ай, батюшки! Не успел вскрикнуть... На земь упал, крутится, корчится, духу не может перевести... Куда девались и рост богатырский, и сила могучая?.. Съежился весь, стал такой маленький, жиденький, – и вертится у ней в ногах волком. Изволила она его смеючись, руки и ноги ниточкой спутала, завернула в тряпичку и за пазуху сунула. От этого потом произошли важные последствия: так как ветер был спрятан у Марьи за пазухой, то в стране пошла страшная засуха и разные бедствия, о которых желающие могут прочесть в самой сказке. Из приведенного обращения можно видеть, что талантливый автор умеет писать в настоящем народном духе. Сказка «Маланьины стрелки» имеет характер легенды: тут выходят и Илья Муромец, и Алеша Попович. Нам показалась она немного запутанной, и мы думаем, что она будет не совсем понятна детям. В сказке «Сват» рассказывается, как одного человека постоянно спасало от беды его наивное простодушие и безхитрость. Напрасно только автор выводит здесь на сцену чуть ли не самого чорта: нам кажется, что чем меньше говорить детям о подобных предметах, как чорт, тем лучше. В «Ночлеге» одному купцу на ночлег является дух его убитого товарища и говорит ему какая-то</p>
--	--	--	--	---

				<p>тайственные, безсвязныя слова, с помощью которых купец, как было по наитию свыше, отыскивает труп товарища и убийц. Сказка эта опять такого рода, что дети, прочитав ее, пожалуй, не будут спать целую ночь. В сказке «Дуня» этот мрачный характер, который проглядывается уже в предыдущих сказках, достигает самых громадных размеров: здесь ужасы, жестокость и злоба кишат, как змеи, которыя здесь выводятся действующими лицами. Наконец сказку «Емеля», сюжет которой заиствован из известной простонародной сказки «Емеля-дурак», не смотря на ея по преимуществу комический характер, мы не может одобрить, потому-что в ней возводятся в апофеозу – лень и глупость. Таким образом, признавая в г. Ахшарумове писателя с несомненным талантом, мы однако же, к сожалению, не может рекомендовать его сказки.— О том. Какими сказками угощает детскую публику госпожа Анна Зонтаг, можно лучше всего судить из следующего разсказа: «Господин и слуга». Данило Макаров был пьяница и забияка, и потому нигде не мог найти места. Однажды ночью, зимой, он весь прозяб и думает себе: вот еслибы теперь проглотить хоть одну чарку водки! «Готов услужить приятелю!» закличал кто-то пронзительным, резким голосом.</p>
--	--	--	--	--

				<p>Данило оторопел и увидел возле себя маленького человека в пол-аршина ростом, в треугольной шляпе с перьями и галунами; в руке у него был стакан с водкой. Данило, разумеется, рад и выпил все до дна. Хорошо! Говорит карлик, теперь вынимай кошелек и расплачивайся. Но у Данилы нет ни гроша, и потому он должен был, хотя и против воли, сделаться слугою этого незнакомого маленького господина: какая-то непостижимая сила заставляла его ходить за господином всюду, не останавливаясь. Вот, однажды, новый господин Даниле велит оседлать двух лошадей. Но Данило не видит ни одной лошади. Тогда карлик приказывает ему сломить две толстые вязовые ветви и сесть верхом на одну из них. Когда Данило сел и господин его три раза прокричал: расти! расти! расти!, то вязовые ветви обратились в лошадей. Данило с своим господином поскакали на них и остановились у стены какого-то дома. Тут таинственный карлик велел Даниле делать все то, что будет делать он сам. Карлик пробормотал какая-то непонятная слова, и Данило сделал то же: тогда они пролезли чрез шолку и очутились в винном погребе. Карлик пил, сколько мог, и Данило тоже. Напившись, они оба на тех же лошадях ускакали назад. Лошади опять сделались</p>
--	--	--	--	--

				<p>ветвями и приросли к вязу. Другой раз они оба опять поехали, с соблюдением той же процедуры; но дело кончилось уже не тем: вместо погребца, они подъехали к крестьянской избе. Тогда карлик и говорит Даниле: завтра мне минет тысяча лет! «Господи помилуй!» воскликнул Данило, «неужели правду?»– Не говори этого вперед! отвечал карлик: ты этим меня погубишь! Завтра мне минет тысяча лет, и мне пора жениться. За тем тысячелетний карлик сообщает Даниле, что в этой избе живет девушка, Устюша, которую выдают замуж за крестьянина Якова Любина; но карлик хочет отбить у него невесту. Данило хотел было возразить; но карлик заставил его молчать, и оба они пролезли сквозь замочную щель в избу, где никто их не заметил. Чтобы лучше все видеть, они взобрались на палаты. В избе была невеста, одетая в свадебный наряд; вокруг нея девушки. В другой комнатке ея родные готовили ужин. Отворилась дверь, и входит дружка со свахой и со всем жениховым поездом; но, вошед в избу, все забыли сотворить молитву. Карлик заметил это, лукаво улыбнулся и кивнул голову Даниле. «Так тебе вот чего надобно, урод окаянный!» подумал Данило: «тебе хочется, чтобы все делалось без Божьяго благословения!». И от страха у Данилы замерло</p>
--	--	--	--	---

				<p>сердце. «К кому это я попал в слуги!» сказал он сам себе: «надо избавиться от такого господина». Среди разговоров невеста громко чихнула, но никто не сказал ей: <i>здравствуй, Устюша! Господь тебя помилуй!</i> Все продолжали разговаривать и хохотать. Данило и карлик заметили это важное обстоятельство. «Ах!» прошептал карлик на ухо своему слуге, указывая на невесту: «теперь она до половины моя! Если она чихнет еще дважды и все промолчат, тогда Устюшу никто у меня не отнимет!». И действительно, невеста скоро еще раз чихнула, и опять никто из присутствующих не поздравил ее. Но когда она потом чихнула в третий раз, то Данило, собравшись наконец с духом, закричал во все горло: Здравствуй Устюша Господи тебя помилуй, и проч. И проч. Едва он успел это выговорить, как карлик с бешенством бросился на него: «Я увольняю тебя от службы!» закричал он и дал ему в спину такой толчок, что Данило с палатей полетел на пол. Карлик исчез, и там, где он сидел, воздух заискрился тусклым огнем; по избе разлился серный запах, и вдали слышался гром. С тех пор Данило перестал пьянствовать и сделался трезвым, трудолюбивым человеком.— Не правда ли, очень мило?</p>
--	--	--	--	---

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Приложение 2 состоит из двух таблиц. В первой таблице в хронологическом порядке расположены сборники, подписанные именем А. П. Зонтаг. Если атрибуция сборника сомнительна, об этом будет сказано в примечании. Для каждого сборника указаны выходные данные, и перечислены содержащиеся в нем произведения.

Вторая таблица устроена по похожему принципу. В ней в хронологическом порядке расположены альманахи, журналы и сборники, в которых выходили произведения Зонтаг (если повести или другие тексты выходили отдельными книгами, эти книги также приведены). Содержание каждого издания указано, тексты Зонтаг в описании содержания альманахов выделены жирным шрифтом для удобства. В таблице также учтены переиздания.

Таблица 2. Роспись сборников А. П. Зонтаг (или приписываемых ей)

№	Год (публ. сборника)	Название сборника	Выходные данные	Содержание
1.	1832	Повести и сказки для детей. Ч.1. ³⁸	М., 1832., в тип. А. Смирдина	«Всякий должен работать» «Ягненок» «Три мальчика» ³⁹ «Маленькая собачка Роза, или лгун и правдивый мальчик» «Купец с апельсинами, или честный мальчик и вор» «Вишневый сад» «Софинька» «Олинька и бабушка ее Назарьевна» «Туфли» «Девушка Березница» «Три друга» «Узы любви» «Деревянный крест»
2.	1833	Повести и сказки для детей. Ч.2.	СПб., 1833., в тип. А. Смирдина	Нет данных (нет книги)
3.	1834	Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных	М., 1834., в тип. М. Пономарева	Книги нет. Содержание приводится по 2-е изданию (№6 в настоящей таблице)

³⁸ «Повести и сказки для детей» (1832–1836) – второе издание. Известно, что впервые три части «Повестей и сказок для детей» вышли в период с 1828 по 1830 годы в типографии А. Смирдина без указания авторства.

³⁹ Перевод с английского выполнен Марией Зонтаг (в замуж. Гутмансталь), дочерью А. П. Зонтаг.

		авторов, как то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, г-жи Зонтаг и многих других. Перев. с франц. (1-е издание)		
4.	1835	Повести и сказки для детей, Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов. Перевод с Французского М. Г. и И. Г. с картинками.	М., 1835. в тип. Ф. М. Исаева	«Гимн, или Бог хранит добрых. Повесть» (7 глав и заключение) «Светляк. Нравоучительная повесть для детей» ⁴⁰ «Часовня в лесу. Нравоучительная повесть» «Потерянное дитя. Повесть» (4 главы) «Подарок в день Светлаго воскресения. Повесть» (6 глав; с «Предуведомлением»)
5.	1836	Повести и сказки для детей. Ч.3.	СПб., 1836., в тип. А. Ф. Смирдина	Нет данных (нет книги)
6.	1840	Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных авторов, как то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, г-жи Зонтаг и многих других. Перевод с Французского. ⁴¹ (2-е издание)	М., 1840., в тип. А. Семена	12 повестей: «Любовь к маменьке» «Услужливый мальчик» «Удовольствие быть послушным» «Благотворительный ребенок» «Софья, добрая девочка» «Потерянное дитя» «Маленький Жано жадный мальчик» «Иосиф» «Аманд» «Маленькой корзинщик»

⁴⁰ То же, что «Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, Анны Зонтаг...» (в №6 настоящей таблицы). Незначительные расхождения в пунктуации. Скорее всего, не принадлежит А. П. Зонтаг.

⁴¹ Вероятно, Зонтаг не принимала участия в издании.

				<p>«Добрая сестра» «Мстительный мальчик»</p> <p>Тринадцатая повесть в том же переплете, но с отдельным цензурным разрешением: «Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрвстов. Перевод с Французского. М. Г.»⁴² (с примечанием: «Издание 2-е с печатанного в 1834 году»).</p>
7.	1842	Три комедии для детей.	СПб., 1839., в тип. Ю. А. Юнгмейстера	Книги нет. Скорее всего, содержание совпадает с «Детским театром, или Собранием детских комедий, изданных Анною Зонтаг» (№18 в этой таблице) за исключением «Кащея».
8.	1844	Новые повести для детей.	СПб., 1844., в тип. Иогансена	<p>«Опрокинутая карета» (пер. повести П. Гизо)</p> <p>«Браслеты. История первого мая» (пер. повести М. Эджворт)</p> <p>«Браслеты. История первого июня» (пер. повести М. Эджворт)</p> <p>«Не расточай, чтобы не нуждаться, или Две тетивы на одном луке»</p> <p>«Мудрый судья»</p> <p>«Абдалла»</p> <p>«Наказанная скупость»</p>

⁴² Скорее всего, не принадлежит А. П. Зонтаг.

9.	1844	Сказка в виде Альманаха на Светлое воскресенье 1844 года. А. П. Зонтаг (из Гауфа) ⁴³	М., 1844., в тип. А. Семена.	«Сказка в виде альманаха» «Караван» «Повесть о Калифе аисте» «Повесть о мертвецах мореплавателях» «Повесть об отрубленной руке» «Повесть о спасении Фатьмы» «Похождения маленького Мука» «Повесть о ложном принце» «Рассказ Орбасана»
10.	1845	Библиотека для воспитания. 1845., Ч. 1.	Скорее всего: М., 1845., в тип. А. Семена.	«Трудолюбие и леность (повесть)» Больше данных нет
11.	1845	Библиотека для воспитания. 1845., Ч. 4.	Скорее всего: М., 1845., в тип. А. Семена.	«Рукопись мавританского доктора» Больше данных нет
12.	1861	Подарок детям в день Светлого Воскресенья, или Собрание детских повестей для первого возраста. С 10 картинками. 2 части.	М., 1861., <тип. неизвестна – нет книги>.	Нет данных. Нет книги.
13.	1862	Волшебные сказки для детей первого возраста, с 8 картинками. (<i>не первое издание</i>)	М., 1862., изд. бр. Салаевых	«Олинька и бабушка ее Назарьевна» «Волшебница» «Рауль синяя борода» «Спящая красавица в лесу» «Братец и сестрица»

⁴³ В сборнике есть предисловие: «Желая доставить публике, уже давно оценившей достоинство детских книг А. П. Зонтаг, возможность приобрести новое произведение ея пера отдельно и за дешевую цену, Редакция Б. В. <Библиотеки для воспитания.— А. Б.> напечатала особо в небольшом числе экземпляров (заимствованную из Гауфа) *Сказку в виде Альманаха*, помещенную в 1-м номере, и выждала окончание собственного издания, чтобы пустить оную в *продажу*.— произведения А. П. Зонтаг, Сочинительницы *Священной истории для детей*, следует всегда отличать от детских книжонок нередко изготовляемых под названием *перевода с сочинений Гжи Зонтаг*, когда другой Гжи Зонтаг пишущей – для детей и на другом языке, кроме Русскаго, нет и никогда не было».

				<p>«Милый Роланд и девица ясный цвет» «Красная шапочка» «Девица Березница» «Господин и слуга» «Счастливый охотник» «Карлик со скрипкою» «Кнутик в мешочке»</p>
14.	1864	Сочельник перед рождеством Христовым, или Собрание повестей и рассказов. Для детей старшего возраста, с 10 картинками. 2 части.	М., 1864., изд. бр. Салаевых	<p>Часть 1. «Подражатель» «Браслеты, история первого июня» (пер. из М. Эджворт) «Браслеты, история первого июля» (пер. из М. Эджворт) «Опрокинутая карета» (пер. из П. Гизо)</p> <p>Часть 2. «Сочельник перед Рождеством Христовым»⁴⁴ «Овечка» «Разговоры отца с детьми. Зимний вечер. Весеннее утро. Летний вечер»</p>
15.	1865	Детский театр, или Собрание детских комедии с 6 картинками. (<i>не первое изд.</i>)	М., 1865., изд. бр. Салаевых	Нет данных (нет книги).
16.	1867	Волшебные сказки для детей первого возраста, с 8 картинками (<i>переиздание</i>)	М., 1867., изд. бр. Салаевых	См. №13

⁴⁴ После текста следует подпись: «Варвара Казначеева (перевод с немецкого)» [Зонтаг 1864: 153].

17.	1871	Волшебные сказки для детей первого возраста, с 8 картинками (<i>переиздание</i>)	М., 1871., изд. бр. Салаевых	См. №13
18.	1879	Детский театр, или Собрание детских комедий, изданных Анною Зонтаг <с посвящением девицам В. и К. Свербеевым>	М., 1879., изд. книгопродавца Салаева, в тип С. Орлова	«Кашей. Волшебная комедия в четырех действиях» «Подарок на новый год. Комедия в двух действиях» «День рождения матери. Комедия в трех действиях» «Вексель. Комедия в одном действии»

Таблица 3 (сводная). Сборники, произведения в альманахах и отдельные произведения.

№	Год (публ. журнала / альманаха / сборника)	Название сборника/журнала/альманаха, где было опубл. произведение или название вышедшей отдельно книги	Выходные данные	Содержание
1.	1825	Вальтер Скотт. Эдинбургская темница. Перевод. А. Зонтаг. В 4 т.	М., 1825., <тип. неизвестна>	Нет книги.
2.	1830	Девушка – Березница. Сказка для детей. Перевод с немецкого.	Одесса, 1830.,	Нет книги.
3.	1831	Одесский альманах на 1831 год	Одесса, 1831., в Одесской городской типографии.	Раздел 1. «Проза»: «О предполагаемом местоположении Дианина храма в Тавриде» И. П. Бларамберг «Турецкия пословицы» Борзенков «Картины севера» Ф. И. Глинка « Господин и слуга. Сказка » А. П. Зонтаг «Жизнь Говарда» А. И. Левшин «Женева и кантон Женевский» А. И. Левшин «Исторический взгляд на Одессу» П. Морозов (нет, не Павлик) «Одесса в 1830-м году» П. Морозов

				<p>«Отрывок из походных записок» Пашковский Ф.... «Письмо из Одессы к ***» Р*** «Радаис и Индар (скифский рассказ)» И. А. Стемпковский «Письмо из Крыма к М. И. Л.» В. Г. Тепляков</p> <p>Раздел 2. «Стихотворения»: «Отрывок из поэмы Мицкевича: Конрад Валленрод» М. П. Вронченко «Отрывок из Байроновой трагедии: Сарданапал» М. П. Вронченко «Романс» М. П. Вронченко</p> <p>«Великий Бог, чудесный Бог!» Ф. Н. Глинка «Локон и песня» Ф. Н. Глинка «Сельская вечеря» Ф. Н. Глинка «Песнь умирающей девы» Ф. Н. Глинка «Упрек (из пророка Исаяи)» Ф. Н. Глинка</p> <p>«Человек, ода» Г. Р. Державин</p> <p>«Таврида» А. С. Норов</p>
--	--	--	--	--

				<p>«Мелодия» А. И. Подолинский «Степь» А. И. Подолинский</p> <p>«Слеза» А. Г. Ротчев</p> <p>«Надпись к фонтану» В. Г. Тепляков «Вторая фракийская элегия: Томис» В. Г. Тепляков «26-е августа 1828 года» В. Г. Тепляков «Ариадна, кантата» В. Г. Тепляков «Щелчек» В. Г. Тепляков «Татарская песня» В. Г. Тепляков</p> <p>«Агриппина» А. А. Шишков «Отрывок из трагедии Раунаха: <i>Князя Хованские</i>» А. А. Шишков «Ощипанная ворона (басня)» А. А. Шишков «Первый пролог гётева Фауста» А. А. Шишков</p> <p>«Весенняя ночь» Н. М. Языков «Элегия» Н. М. Языков «Перстень» Н. М. Языков</p>
--	--	--	--	--

				<p>«Прометей» М. Юз..... (нет, не Алешковский)</p> <p>«С. Г. В-ой» М. Юз.....</p> <p>«С. Г. В-ой» М. Юз..... (sic! Два раза)</p> <p>«Удовольствие воображения» М. Юз.....</p> <p>«Отрывок из драмы: Торквато Тассо» N. N.</p> <p>«К ***» N. N.</p> <p>«Отрывок из трагедии: Марфа Посадница» * * *</p>
--	--	--	--	--

4.	1832	Повести и сказки для детей. Ч.1. ⁴⁵	М., 1832., в тип. А. Смирдина	«Всякий должен работать» «Ягненок» «Три мальчика» ⁴⁶ «Маленькая собачка Роза, или лгун и правдивый мальчик» «Купец с апельсинами, или честный мальчик и вор» «Вишневый сад» «Софинька» «Олинька и бабушка ее Назарьевна» «Туфли» «Девушка Березница» «Три друга» «Узы любви» «Деревянный крест»
5.	1833	Повести и сказки для детей. Ч.2.	СПб., 1833., в тип. А. Смирдина	Нет данных (нет книги).
6.	1834	Блестящий червячок. Нравоучительная повесть для детей. Перевод с французского. М. Г.	М., 1834., в тип. Пономарева	Нет данных (нет книги).
7.	1834	Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных авторов, как то: Бланшарда, Беркена,	М., 1834., в тип М. Пономарева	Книги нет. Содержание приводится по 2-е изданию (№16 в настоящей таблице)

⁴⁵ «Повести и сказки для детей» (1832–1836) – второе издание. Известно, что впервые три части «Повестей и сказок для детей» вышли в период с 1828 по 1830 годы в типографии А. Смирдина без указания авторства.

⁴⁶ Перевод с английского выполнен Марией Зонтаг (в замуж. Гутмансталь), дочерью А. П. Зонтаг.

		Бертрана, г-жи Зонтаг и многих других. Перев. с франц. (1-е издание)		
8.	1834	Повести и сказки для детей. Ч.3.	СПб., 1834., в тип. А. Смирдина.	Нет данных (нет книги).
9.	1835	Повести и сказки для детей, Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрастов. Перевод с Французского М. Г. и И. Г. с картинками.	М., 1835. в тип. Ф. М. Исаева.	«Гимн, или Бог хранит добрых. Повесть» (7 глав и заключение) «Светляк. Нравоучительная повесть для детей» ⁴⁷ «Часовня в лесу. Нравоучительная повесть» «Потерянное дитя. Повесть» (4 главы) «Подарок в день Светлаго воскресения. Повесть» (6 глав; с «Предупреждением»)
10.	1835	Детская Библиотека, содержащая в себе любопытныя и нравоучительныя повести многих иностранных Авторов, с присовокуплением повести Голубок, сочинения Г-жи Зонтаг. Перевод с Французского.	М., 1835 г. в тип. М. Пономарева.	<повесть «Голубок» – перевод из Шмидта> Больше данных нет (нет книги).
11.	1837	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (1-е издание)	СПб., 1837., в тип. Э. Праца и Ко.	

⁴⁷ То же, что «Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, Анны Зонтаг...» (в №15 настоящей таблицы). Незначительные расхождения в пунктуации. Скорее всего не принадлежит Зонтаг.

12.	1838	Бальзак в Херсонской губернии. <Сатирическая повесть.> (под псевдонимом «Нечипор Кулеша»; в м.р.)	Современник. 1838. Т. 12. Отд. 8. С. 22–33.	Бальзак в Херсонской губернии. <Сатирическая повесть.> (под псевдонимом «Нечипор Кулеша»; в м.р.)
13.	1838	Происхождение женщин. Повесть. (подписано инициалами – «А. З.»)	Современник. 1838. Т. 12. Отд. 8. С. 34–40.	Происхождение женщин. Повесть. (подписано инициалами – «А. З.»)
14.	1839	Одесский альманах на 1839 год. С. 101–237.	Одесса, 1839., в Городской типографии.	Проза «Очерк Южного Берега» (А+В) К. «Воспоминание о Колхиде» И. С. Андреевский «Верный выигрыш» В. А. Владиславлев «Шарлотта Штиглиц» Н. И. Греч «Фирдоуси, довершитель возрождения национальной поэзии в Персии» В. В. Григорьев «Жизнь в Одессе» Зеленецкий К. П. «Видение Мирзы. Восточная повесть» А. П. Зонтаг «Разрыв-трава» И. И. Лажечников «Еще слова два о жизни в Одессе» М. Т. Маркевич «Апологи» А. В. Никитенко «Светлейший князь Потемкин-Таврический» Н. И. Надеждин «Русская Алгамбра» Н. И. Надеждин «Как добры люди!» И. И. Панаев

				<p>«Так, ничего. В роде повести» Н. Рахманов «Голос Русскаого из Ревеля» Н. И. Розанов «Четыре страницы Одесской летописи» А. А. Скальковский «Нечто о влиянии женскаго пола на сохранение в роде человеческом священных преданий и спасительных истин»</p> <p>Стихотворения</p>
15.	1840	Блестящий червячок. Нравоучительная повесть для детей. Перевод с французского. М. Г. (переиздание)	М., 1840., в тип. Пономарева.	Нет данных (нет книги).
16.	1840	Детский рассказчик или Собрание повестей из лучших иностранных авторов, как то: Бланшарда, Беркена, Бертрана, г-жи Зонтаг и многих других. Перевод с Французскаго. ⁴⁸ (2-е издание)	М., 1840., в тип. А. Семена	12 повестей: «Любовь к маменьке» «Услужливый мальчик» «Удовольствие быть послушным» «Благотворительный ребенок» «Софья, добрая девочка» «Потерянное дитя» «Маленький Жано жадный мальчик» «Иосиф»

⁴⁸ Вероятно, Зонтаг не принимала участия в издании.

				<p>«Аманд» «Маленькой корзинщик» «Добрая сестра» «Мстительный мальчик»</p> <p>Тринадцатая повесть в том же переплете, но с отдельным цензурным разрешением: «Блестящий червяк, нравоучительная повесть для детей, Анны Зонтаг, издательницы повестей для детей первого и второго возрвстов. Перевод с Французскаго. М. Г.»⁴⁹ (с примечанием: «Издание 2-е с печатанного в 1834 году»).</p>
17.	1841	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (2-е издание)	М., 1841., <тип. неизвестна>	
18.	1842	Три комедии для детей.	СПб., 1839., в тип. Ю. А. Юнгмейстера	Книги нет. Скорее всего, содержание совпадает с «Детским театром, или Собранием детских комедий, изданных Анною Зонтаг» (№40 в этой таблице) за исключением «Кашея».
19.	1843	Библиотека для воспитания. 1843., Ч. 1. С. 1–14.	М., 1843., в тип. А. Семена.	Раздел 1. «Сказка в виде альманаха» А. П. Зонтаг «Караван»

⁴⁹ Скорее всего, не принадлежит А. П. Зонтаг.

				<p>«Повесть о Калифе Аисте» «Повесть о мертвецах мореплавателей» «Повесть об отрубленной руке» «Повесть о спасении фатьмы(sic)» «Похождения маленького Мука» «Повесть о ложном принце» «Рассказ Орбасана»</p> <p>Раздел 2. «История греческих героев» «Предисловие» «Путешествие аргонавтов» «История Геркулеса» «Ираклиды и Орест»</p>
20.	1843	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (3-е издание)	СПб., 1843., <тип. неизвестна>	
21.	1844	Новые повести для детей.	СПб., 1844., в тип. Иогансена	<p>«Опрокинутая карета» (пер. повести П. Гизо) «Браслеты. История первого мая» (пер. повести М. Эджворт) «Браслеты. История первого июня» (пер. повести М. Эджворт) «Не расточай, чтобы не нуждаться, или Две тетивы на одном луке» «Мудрый судья» «Абдалла»</p>

				«Наказанная скупость»
22.	1844	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (4-е издание)	СПб., 1845., <тип. неизвестна>	
23.	1844	Сказка в виде Альманаха на Светлое воскресенье 1844 года. А. П. Зонтаг (из Гауфа) ⁵⁰	М., 1844., в тип. А. Семена.	«Сказка в виде альманаха» «Караван» «Повесть о Калифе аисте» «Повесть о мертвецах мореплавателях» «Повесть об отрубленной руке» «Повесть о спасении Фатьмы» «Похождения маленького Мука» «Повесть о ложном принце» «Рассказ Орбасана»
24.	1845	Библиотека для воспитания. 1845., Ч. 1.	Скорее всего: М., 1845., в тип. А. Семена.	«Трудолюбие и леность (повесть)» Больше данных нет
25.	1845	Библиотека для воспитания. 1845., Ч. 4.	Скорее всего: М., 1845., в тип. А. Семена.	«Рукопись мавританского доктора» Больше данных нет
26.	1849	«Несколько слов о детстве Василия Андреевича Жуковского» (без подписи).	Москвитянин. 1849. №9. Отд. 1. С. 3–12.	«Несколько слов о детстве Василия Андреевича Жуковского» (без подписи).

⁵⁰ В сборнике есть предисловие: «Желая доставить публике, уже давно оценившей достоинство детских книг А. П. Зонтаг, возможность приобрести новое произведение ея пера отдельно и за дешевую цену, Редакция Б. В. <Библиотеки для воспитания.— А. Б.> напечатала особо в небольшом числе экземпляров (заимствованную из Гауфа) *Сказку в виде Альманаха*, помещенную в 1-м номе, и выждала окончание собственнаго издания, чтобы пустить оную в *продажу*.— произведения А. П. Зонтаг, Сочинительницы *Священной истории для детей*, следует всегда отличать от детских книжонок нередко изготовляемых под названием *перевода с сочинений Гжи Зонтаг*, когда другой Гжи Зонтаг пишущей – для детей и на другом языке, кроме Русскаго, нет и никогда не было».

27.	1849	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (5-е издание)	СПб., 1849., <тип. неизвестна>	
28.	1850	Гостинец. Альманах в подарок молодым читателям Москвитянина. С. 97–114.	М., 1850., в Полицейской типографии	«Святые мужи» И. Д. Беляев «Больное дитя (предание)» Ф. Б. Миллер «О горении» А. Е. Студитский «Весеннее утро. Летний вечер. Зимний вечер» А. П. Зонтаг «Пораженный орел. Сказка» В. И. Красов «Молитва (из В. Гюго)» М. И. Котельников «Будь умна» Н. В. Сушкова «Ваничка-скрипач. Волшебная сказка в стихах» Ф. Б. Миллер «Саардамский плотник. Исторический рассказ Ниритца. Пер. Т. В. Пассека» «Раскаяние половина исправления. Комедия» В. И. Т-ва.
29.	1852	«Воспоминание о Василии Андреевиче Жуковском»; «Письмо к редактору Москвитянина»	Москвитянин 1852. №18. Отд. 1. С. 113–126.	«Воспоминание о Василии Андреевиче Жуковском»; «Письмо к редактору Москвитянина»
30.	1853	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (6-е издание)	СПб., 1853., <тип. неизвестна>	

31.	1860	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (7-е издание)	СПб., 1860., <тип. неизвестна>	
32.	1860	История Англии. Перевод книги Карла Дикенса.	М., 1860., изд. бр. Салаевых	
33.	1861	Подарок детям в день Светлого Воскресенья, или Собрание детских повестей для первого возраста. С 10 картинками. 2 части.	М., 1861., <тип. неизвестна – нет книги>.	Нет данных (нет книги).
34.	1862	Волшебные сказки для детей первого возраста, с 8 картинками. <i>(не первое издание)</i>	М., 1862., изд. бр. Салаевых	«Олинька и бабушка ее Назарьевна» «Волшебница» «Рауль синяя борода» «Спящая красавица в лесу» «Братец и сестрица» «Милый Роланд и девица ясный цвет» «Красная шапочка» «Девица Березница» «Господин и слуга» «Счастливый охотник» «Карлик со скрипкою» «Кнутик в мешочке»
35.	1864	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (8-е издание)	М., 1864., изд. бр. Салаевых	
36.	1864	Сочельник перед рождеством Христовым, или Собрание повестей	М., 1864., изд. бр. Салаевых	Часть 1. «Подражатель»

		и рассказов. Для детей старшего возраста, с 10 картинками. 2 части.		«Браслеты, история первого июня» (пер. из М. Эджворт) «Браслеты, история первого июля» (пер. из М. Эджворт) «Опрокинутая карета» (пер. из П. Гизо) Часть 2. «Сочельник перед Рождеством Христовым» ⁵¹ «Овечка» «Разговоры отца с детьми. Зимний вечер. Весеннее утро. Летний вечер»
37.	1865	Детский театр, или Собрание детских комедии с 6 картинками. (<i>не первое изд.</i>)	М., 1865., изд. бр. Салаевых	Нет данных (нет книги).
38.	1867	Волшебные сказки для детей первого возраста, с 8 картинками (переиздание №34)	М., 1867., изд. бр. Салаевых	См. №34
39.	1871	Волшебные сказки для детей первого возраста, с 8 картинками (переиздание №34)	М., 1871., изд. бр. Салаевых	См. №34
40.	1871	Священная история для детей, выбранная из Ветхаго и Новаго Завета Анною Зонтаг. (9-е издание)	М., 1864., изд. бр. Салаевых	

⁵¹ После текста следует подпись: «Варвара Казначеева (перевод с немецкого)» (Об этом: указанное издание С. 153).

41.	1879	Детский театр, или Собрание детских комедий, изданных Анною Зонтаг <i><с посвящением девицам В. и К. Свербеевым></i>	М., 1879., изд. книгопродавца Салаева, в тип С. Орлова	«Кашей. Волшебная комедия в четырех действиях» «Подарок на новый год. Комедия в двух действиях» «День рождения матери. Комедия в трех действиях» «Вексель. Комедия в одном действии»
42.	1880	Сочельник перед рождеством Христовым, или Собрание повестей и рассказов. Для детей старшего возраста, с 10 картинками. 2 части. <i>(переиздание)</i>	М., 1880., изд. насл. бр. Салаевых	
43.	1883	«Рассказ Анны Петровны Зонтаг о Жуковском».	«Русский архив. 1883» Кн. 2. С. 320–323.	«Рассказ Анны Петровны Зонтаг о Жуковском»
44.	1883	«Воспоминания о детстве В. А. Жуковского. Письма А. П. Зонтаг к кн. П. А. Вяземскому»	«Русская мысль. 1883», №2. С. 266–286.	«Воспоминания о детстве В. А. Жуковского. Письма А. П. Зонтаг к кн. П. А. Вяземскому»
45.	1904	«Путешествие в Луну (истинное происшествие). Повесть Анны Петровны Зонтаг» (подписано «I. 7» – ст.-славянскими цифрами; им соответствует: «А. 3.»).	«Русский архив. 1904», Кн. 3. С. 589–599.	«Путешествие в Луну (истинное происшествие). Повесть Анны Петровны Зонтаг» (подписано «I. 7» – ст.-славянскими цифрами; им соответствует: «А. 3.»).

Kokkuvõte

Anna Sonntag (1785–1864) oli oma ajastu tuntud lastekirjanik, tõlkija ja memuarist. Tema elulugu oli tihedalt seotud kuulsa vene luuletaja ja kultuuritegelase Vassili Žukovskiga. A. Sonntagi loomingut on uuritud küllaltki pealiskaudselt ja katkendlikult. Ainuke katse põhjalikult analüüsida tema kirjanduslikku pärandit on teinud Oksana Kirjanova oma doktoritöös „A. P. Sonntag (Juškova) - lastekirjaniku isiksuse ja kirjandusliku tegevuse fenomeen”. Tema keskendub aga Sonntagi loomingule kunstilis-esteetilisele eripärale ning ei käsitle V. Žukovski mõju tema teostele.

Žukovski ja Sonntagi vahelisi suhteid võib iseloomustada kui kirjanduslikku partnerlust. Žukovski pakkus välja Sonntagile erinevaid kirjanduslikke valdkondi (lastekirjanduse tõlgetest kuni memuaarideni) ja andis põhjalikke juhiseid, kuidas tuleb tegutseda, et valdkonna tingimustele vastata. Žukovski poolt välja pakutud kirjanduslikest valdkondadest saab kokku Sonntagi kirjandusloome programm. Tema kirjandustee alguses pakkus Žukovski talle välja eelkõige lastekirjaniku tegevusala, hilisematel aastatel memuaristi tegevusala. Käesolevas töös käsitletakse, kuidas Žukovski poolt Sonntagile koostatud kirjanikuprogramm sai teoks, kuidas selle põhimõtted said teostatud. Erilist tähelepanu pööratakse kahele loole. Esimeses analüüsitakse Sonntagi teoste retseptioon tema kaasaegsete poolt, mis olid kirjutatud Žukovski nõuannete järgi. Teine käsitletav probleem on Sonntagi memuaarid Žukovski lapsepõlvest, millest sai alguse kirjaniku eluloo mütologiseerimine. Selles osas uuritakse, kuidas Žukovski lapsepõlve mälestuste koostamine oli seotud “Bunini perekonna” eluloo projektiga, mille kallal töötas Žukovski koos Sonntagiga.

Käesoleva töö osaks on lisad, mis täiendavad selle analüütilisi peatükke. Esimene lisa sisaldab Anna Sonntagi teoste kronoloogilist tabelit. Teises lisa on tabel Sonntagi teostele retsensioonidega (terviktekstid ajavahemikust 1825 kuni 1869), mis on esitatud kronoloogilises järjekorras. Nende lisade vajalikkus on tingitud ainestiku eripärast. Sonntagi teoseid ei ole siiani kogutud ega kirjeldatud vastavalt teaduslikele standarditele. Puudub ka Sonntagi raamatute ja teiste publikatsioonide arvustuste bibliograafia. Käesolev töö esindab uurimustöö esimest osa, edaspidi süvendatakse analüüsile tuginedes juba kogutud materjalidele.

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrektselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride kolledži slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

/alkirjutatud digitaalselt/

Anastassia Bobõleva

Tartus, 28.05.2023

Lihthitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Anastassia Bobõleva,

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihthitsentsi) minu loodud teose

«А. П. Зонntag и ее литературный наставник В. А. Жуковский: Программы и воплощения» / „A. Sonntag ja tema kirjandusmentor V. Žukovski: programmid ja nende elluviimine“.

mille juhendaja on Tatjana Stepaništševa

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihthitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Anastassia Bobõleva

28.05.2023